

Екатерина
БОБРОВА

СИРОТСКИЙ ПРИЮТ
ГОСПОЖИ ДЕМИДОВОЙ

Екатерина Боброва

**Сиротский приют
госпожи Демидовой**

«Автор»

2026

Боброва Е.

Сиротский приют госпожи Демидовой / Е. Боброва — «Автор»,
2026

Вторая часть приключений госпожи Демидовой. Для Петербурга Мария теперь дочь убийцы. Родственники видят в ней обузу, мешающую им добраться до состояния её отца. И Мария принимает решение отправиться туда, где её ждет Каменная дева и сделка, которую она когда-то с ней заключила - на Урал.

Екатерина Боброва

Сиротский приют госпожи Демидовой

Глава 1

— Все это время она была у меня под носом! — Феликс с яростью пнул ножку массивного стола, сделанную в виде львиной лапы. — Сколько раз я мог ее придушить!

И ярость темным облачком собралась над ним, покачалась, словно раздумывая сорваться или нет.

Николай бросил недовольный взгляд на брата, потом перевел взгляд в угол, где стоял свеженький, только вчера купленный фикус. Он бы не удивился, узнав, что продавцы верили в то, что Юсуповы питались фикусами, столь часто они их покупали.

На этот раз облачко черной вуалью осело на плечах брата – Феликс смог удержать дар под контролем.

Была глубокая ночь. В доме не спала лишь охрана, да дежурный лакей, который сонно поинтересовался: не нужно ли чего господам, и был отправлен кемарить обратно.

Они с братом только что приехали из Царского села.

Сопровождая Великую княжну, Николай пересел за руль автомобиля Феликса, а самого Феликса запихнул в машину к Ольге Николаевне, которую признал сразу же. Они виделись пару раз на приемах в Зимнем дворце, хотя представлены официально не были.

Николаю всегда было неловко в присутствии высоких особ, а вот Феликсу было все равно, кто перед ним: царь или истопник, бунтовщик или вдовствующая императрица. Он мог найти язык с любым.

Вот и с княжной... пусть находит.

Двумя автомобилями они добрались до Царского села. И там Феликс тепло, иначе и быть не могло – наверняка, всю дорогу был самым очарованием — распрощался с зардевшейся от смущения Ольгой Николаевной.

Обратно возвращались в молчании. И брат скопил столько всего невысказанного за это молчание, что теперь просто не мог справиться с душащими его эмоциями.

— Нас вокруг пальца! Притворялась служанкой. Слушала, как мы о ней гадости говорим. Ходила, улыбалась, мыла полы. Могла ведь и отраву подсыпать. Не хочу думать о том, что она плевала в чай, когда его подавала. А я ведь ее подозревал! Нутром чуял – что-то с ней не так.

Гнев брата волнами выплескивался наружу — Феликс не терпел, когда чья-то авантюра оказывалась лучше его собственной. И несчастный фикус ежился и тряс листочками, предчувствуя скорую гибель.

— Надо ж придумать такое, еще и против родного отца.

Брат не знал, то ли ему хвалить, то ли ругать Демидову, и метался меж этих двух чувств, не в силах выбрать что-то одно.

— Выходит, она и вендетту объявила потому, что желала потянуть время и устроиться к нам служанкой, — выдал он очередную догадку. — А ведь могла просто уехать. Подозревала ведь, что папаша сходит с ума. Подождала бы, когда его забрали бы в лечебницу. Родственники не посмели бы отобрать приданое. Вышла бы замуж и жила себе спокойно в поместье. Нет, решила все с ног на голову перевернуть. На крайний случай, могла бы к нам прийти со своими догадками.

Николай выразительно вздернул брови.

— И ты бы ей поверил?

Феликс задумался лишь на мгновение, мотнул головой:

— Никогда. Правильно, что скрыла личность. Я бы ее... — и он ухватил пальцами воздух, сжал.

Николай понимающе усмехнулся, подошел к стеклянной горке. Поколебался, выбирая между напитками. И достал привезенный из Крыма – подарок Великого князя Константина Николаевича — коньяк. После того, что случилось, лишним не будет.

Он плеснул янтарной жидкости на дно хрустальных стаканов. Толчком отправил один, и тот проскользил по полированной поверхности до Феликса.

— Завтра нам нужна свежая голова, потому не напивайся, — предупредил Николай брата.

— Я и не собирался, — остановил стакан Феликс, взял в руку, однако выпить не спешил.

— С ней ведь все будет в порядке? – хмуро спросил он, крутя стакан.

Николай тоже заглянул в свой, оценил цвет выдержанного в дубовых бочках напитка, вдохнул древесно-ванильный аромат.

— Я слышал от отца о цербере княжон. Владимир Михайлович, насколько я запомнил. Отец отзывался о нем, как о сильном маге и честном человеке. Если он обещал, что позаботится о Марии Павловне, значит позаботится.

Аромат коньяка внезапно напомнил Николаю о том, что скоро лето, и ему остро захотелось уехать в Крым. Прогуляться вдоль скал, подставляя лицо под ласковые лучи солнца. Встретить старика Голицына, который был помешан на собственном шампанском и норовил напоить всех, к кому приезжал в гости, до беспамятства. Матушка его на дух не переносила и просила отца не пускать его на порог. Зато Феликс его обожал.

— Ему важно дело, а не она сама, — зло выдохнул брат. И Николай глянул на него с удивлением.

Феликс всегда был полон противоречий, но сейчас превзошел сам себя. То он готов придушить Демидову, то теперь желает вступить в противоборство со службой дворцовых магов, дабы спасти ее.

— Давай дождемся утра, — попросил Николай, отставляя стакан в сторону. Пить расхотелось. – Я отправлю кого-нибудь к особняку Демидовых, чтобы узнать новости. Да и Владимир Михайлович обещался к нам заглянуть. Будь готов к неприятному разговору. Судя по всему, они в курсе твоего внезапного интереса к эсэрам.

— Не волнуйся за меня, — с легкостью отмахнулся от неприятностей Феликс.

И Николай решил, что волноваться действительно не стоило. Свет настолько привык к эксцентричным выходкам брата, что его интерес к эсерам будет воспринят как очередная придурь, а не как что-то серьезное.

Есть все же некая польза и в такой репутации, — подумалось ему с нервным смешком.

— Но эта Демидова! — Феликс со стуком вернул стакан на стол, тоже не став пить. – Она ведь не просто устроилась к нам служанкой, а подделала паспорт, еще и рекомендацию подложную добыла. Уверен – у нее были сообщники. Вряд ли она сама смогла все это проверить. Еще эта ее личина – творение фамильяра. Огневушка, да? Что-то из Уральских легенд.

— Да оттуда, — подтвердил Николай. — Ходили слухи, у кого-то из Демидовых был такой же.

— Сильный, наверное, — с завистью проговорил Феликс. О фамильярах Юсуповым оставалось лишь мечтать. Никто не согласился бы служить хозяину, который в любой момент мог превратить его в прах.

— Вряд ли у нее были сообщники, — возразил Николай. — В доме к ней относились, как и должны были относиться к внебрачной дочери, которая в двенадцать лет появилась на пороге буквально из ниоткуда. Говорили, ее мать умерла от магической лихорадки.

— Так вот почему она обвинила отца в её смерти, — Феликс в волнении взъерошил волосы, заходил по буфетной. — Жила с ненавистью к нему и болью от потери матери. То-то она мне показалась странной и нелюдимо.

— А мне она показалась нормальной.

— Это потому, что она не хотела выйти за тебя замуж, — с усмешкой парировал младший брат.

— Уверен, она и за тебя не хотела, — тоже усмехнулся Николай, вспомнив потемневшие от гнева светлые глаза, когда он предложил Марии выйти за него замуж. Теперь понятно, почему она ему отказала. Замужество не входило в ее планы. И внезапно стало интересно, что она собирается делать дальше.

А потом перед внутренним взором встала другая Мария: бледная, с побелевшими губами, расширенными от боли глазами, с выступающей на коже по одной капельке кровью, которая под конец собралась алыми ручейками и стекала вниз.

Николай и сам был готов вернуться к особняку Демидова, дабы убедиться, что девушка в безопасности, но Владимир Михайлович прав — их не должно было там быть.

Безумие Демидова, конечно, меняло дело, однако убийство им Элима еще следовало доказать.

— Когда я думаю о том, что она сделала... Смогла договориться с хранителем, подружиться с домовым — чего тебе так и не удалось, хотя ты ему даже шоколадные конфеты дарил. Создала призрака. Взломала кабинет. Да, не смотри на меня так удивленно. Ей нужно было побывать на месте преступления, чтобы собрать доказательства. Тем больше убеждаюсь в том, что Демидов идиот. Какая наследница из нее вышла бы! Мог ведь просто лишить Элима наследства и титула, услатить в глушь или за границу. И не пришлось бы никого убивать...

— Вот девицы пошли, — с легкой ноткой раздражения пробормотал Феликс, — революцию им подавай, царя убить готовы, преступление расследуют, еще и в дом к преступнику отправляются, дабы лично засвидетельствовать перед батюшкой его слова...

Николай понял, что последнее относилось к Великой княжне. А ведь ей всего пятнадцать, — припомнил он.

— И насчет тех слов... Демидова о своем сыне. Он ведь врал, да? — Феликс с надеждой посмотрел на старшего брата. Николаю очень хотелось ответить «да», но...

— Элим и правда наш сводный брат, — признался он с тяжелым чувством. — Директор гимназии подтвердил, что у него проснулся дар проклятийника. Да и к нам в библиотеку он отправился, чтобы почитать про родовой дар Юсуповых. Так что формально Демидов мстил за измену. Жене уже было не отомстить, вот он и нацелился на нашего отца. Остальным досталось из-за безумия, которое требовало жертв.

— Черт! — выругался Феликс. Прикрыл глаза и все-таки не сдержался. Темное облачко сорвалось с его пальцев, и очередной фикус превратился в тлен, осыпавшись серым пеплом — в горшке остались лишь голые ветки.

— Маме пока не говори, — попросил он, сглотнув.

— Не собирался, но если произойдет огласка...

— Не раньше. Ей и так досталось.

Досталось. После ареста отца мама слегла на неделю. Почернела, высохла. Так и не смогла оправиться, живя с мыслью о будущей казни мужа. Весть об измене мужа может оказаться той каплей, которой не выдержит ее слабое сердце.

— И нужно будет сообщить остальным, — напомнил Феликс. — Я пошлю за ними утром. Такие новости не стоит доверять бумаге. Да и хочу посмотреть на лицо Сержа, когда он поймет, что его все это время держали в дураках, не собираясь выходить за него замуж.

— А что? — вскинулся он с вызовом. — Нас всех обманули. И я имею полное право поделиться этой одурченностью с друзьями.

— Делись, — согласился с улыбкой Николай, уже представляя себе лица Голицына и Орлова-Давыдова, — только не вздумайте напиваться. Нас наверняка вызовут для допроса, да и писаки с ума сойдут, узнав об аресте Демидова. Уверен, Владимир Михайлович сделает

все, чтобы добиться согласия на пересмотр дела до того, как о нем пронюхают газеты. Ему не нужны лишние намеки в сторону царя, которого обманул безумец.

Посланный утром к дому Демидова человек вернулся вместе с прибывшими к Юсуповым графом Орловым-Давыдовым и князем Голицыным.

Николай дал разрешение говорить при них, и лакей, нервничая и от того глотая слова, доложил, что улица перегорожена, Демидовский особняк окружен полицией и к нему никого не пускают. Что дом стоит вроде целый, лишь в некоторых окнах, а на третьем этаже так во всех, не хватает стекол. Что обвалились атланты у входа, покоцался герб, а на углу видна поползшая от фундамента трещина. Что соседи рассказывают такие страсти, которым точно нельзя верить, ибо дверь в преисподнюю, если и была открыта, то ее так просто не закроешь, а никаких чертей в пустых окнах не наблюдалось. Что вокруг уже ходили писаки и приставали ко всем с глупыми вопросами. Что городовые тщетно их гнали от дома. Что какой-то дедок – из дворников – заявил, будто лично видел, как Демидов обратился в дьявола и кидался на людей, пытаясь их сожрать. А какая-то дама заявила, что она давно подозревала Демидова в безумии и ничуть не удивлена такому исходу. И больше всего ей жаль девочку, которую ночью вынесли из дома и погрузили в повозку. «Бледная была, как смерть», — заявила она.

— Все, барин, — развел руками лакей, и Николай, сунув ему в руку монету за усердие, отправив прочь.

— Уцелел, значит, домик, — неодобрительно проговорил Феликс, которого теперь раздражало все, что было связано с фамилией Демидов.

— Прошу в кабинет, господа, — повернулся он к ожидающим разъяснений друзьям. Веселый тон и торжествующий блеск в его глазах плохо вязались с усталым видом и тенями на лице, что заинтриговало гостей еще больше.

Николай и сам в эту ночь не смог уснуть — просидел у камина в ожидании новостей и сейчас с благодарностью принял от служанки чашку крепкого кофя, чтобы прогнать скопившуюся усталость.

Феликс тоже предпочел кофе, Серж попросил чаю, а Петр – холодного квасу.

Когда служанка накрыла стол и вышла, брат приступил к рассказу. С его слов выходило, что они не просто вошли в дом к Демидову, постояли и вышли, забрав с собой княжну, а защитили честь Российской империи, сразились с десятком злобных тварей и спасли прекрасных дам.

Николай не вмешивался. Пусть развлекается, главное, чтобы помнил о приличиях. Но Феликс правила знал и имя великой княжны, как и фрейлины, упомянуто не было.

— Теперь мы ожидаем визита Владимира Михайловича с предварительными результатами расследования, — закончил Феликс и залпом влил в себя успевший остыть кофий. Скривился, заглянул в чашку, оценил рисунок гуши и отставил на поднос.

В комнате воцарилась потрясенная тишина.

Первым очнулся Голицын.

— Вот подлец! — процедил он. — Если бы не безумие – вызвал бы на дуэль!

Упоминание о дуэли заставило Николая болезненно поморщиться.

— Сына, пусть и не родного, собственными руками! — Петр встал, потом сел и снова встал. Не выдержал, заходил по кабинету.

— Как все оставил негодяй! Ему жена изменила, а он... Невинную жизнь погубил и еще три собирался!

О том, что Элим оказался их сводным братом, Феликс умолчал. Сказал лишь, что Демидов подозревал одного из их отцов в интрижке со своей женой. Потому в тюрьме оказались все трое.

Серж сидел хмурясь и нервно покусывая губы. Он явно уже просчитывал последствия ночных событий.

— Надеюсь, доказательств будет достаточно, чтобы их выпустить, — проговорил он сосредоточено.

— Уверен в этом, — ответил Николай. Участие в деле великой княжны, о котором они умолчали, было неоспоримым преимуществом. Ходили слухи, что к словам старшей дочери царь прислушивался чаще, чем к советникам. — Однако лучше подождать Владимира Михайловича. Думаю, ему будет, что нам рассказать.

— А что с Демидовой? Вендетту отменяют? — и Голицын вопросительно посмотрел на них, потом перевел взгляд на Орлова-Давыдова.

Феликс пожал плечами.

— Думаю, да. Да и не собиралась она замуж. Хотя, стоит признать, напугала нас эта барышня изрядно. Как же мы тогда перетрусили, господа, в особенности Серж! — и саркастическая усмешка искривила его тонкие губы.

— Я так перепугался, что до сих пор смотреть на выпивку не могу — мутит, — откровенно признался Орлов-Давыдов.

Николай глянул на графа с одобрением. Молодец. Не стал делать вид, что ничего не было.

— Не верится, что она устроила такое... Честное слово, братцы, я бы ей за такую операцию чин какой-нибудь дал, — и в голосе Петра прозвучала нотка восхищенной влюбленности.

— С ней ведь все в порядке? Откат после срыва личины — дело серьезное, — и он с тревогой посмотрел на Николая.

Мужчины помрачнели.

— Она сильная — выживет, — с уверенностью ответил Николай, хотя у самого сердце было не на месте.

— Дай-то Бог, — тяжело вздохнул Петр.

— Откат не единственная проблема, — задумчиво проговорил Сергей, заметив, наконец, что у него в руке чашка чая. Сделал маленький глоток. — Госпожу Демидову заклеят, как дочь убийцы. А могут и под суд отдать, — и он бросил выразительный взгляд на Николая.

— Мы проследим, чтобы никто не связал Аксиныю и Марию Павловну. Уволилась и уволилась, — ответил тот.

Феликс одобрительно кивнул. Он мог сколь угодно ругать Демидову, но таскать ее по судам не собирался.

— Я бы желал ее отблагодарить, — с пылкостью рыцаря, выбравшего себе даму сердца, произнес Голицын.

Николай был уверен, что о награде подумал каждый из них, но...

— Мысль дельная. После случившегося вряд ли она останется в Петербурге, обустройство же на новом месте требует средств. Однако возьмет ли она их от нас, после того, что мы ей сделали? — и Николай выразительно вскинул брови.

— А вы-то чем провинились? — искренне удивился Голицын.

— Я ее уволил, — не стал скрывать правды Николай. — Заподозрил, что она не та, за кого себя выдает. А держать такого человека накануне встречи с великим князем было бы неразумно. Потому вчера ее рассчитали, а сегодня утром она должна была покинуть особняк.

— А я ее убить пытался, — и Феликс раздраженно хрустнул сушкой, поданной к чаю.

— Рыженькая такая, да, — наморщил лоб Серж. — Я когда у вас ночевал, замуж ей выйти за себя предлагал.

И он виновато посмотрел на друзей.

— Да ты тогда в таком состоянии был, что всем встречным барышням и не только барышням предлагал себя в мужьях, — развеселился Феликс.

Николай тоже улыбнулся, вспомнив бледное лицо молоденького поручика, имевшего несчастье попасться Сержу на глаза в ресторане. Не поспей они вовремя, какой конфуз вышел бы... Граф уже собирался на колени падать перед «невестой».

— Но ты прав, вряд ли она будет счастлива видеть неверного жениха, — посерьезнел он. И все дружно посмотрели в сторону Голицына.

— Я не могу, — открестился тот. — Матушка на днях призналась, что к ней ходила. И даже мне не сказала! — воскликнул он с досадой, добавив: — Они точно не светскими любезностями во время разговора обменялись.

Как и подозревал Николай, после случившегося Мария Павловна никого из них на порог не пустит, не то что деньги возьмет.

— У меня идея, — и Феликс выразительно покосился на стоявший у двери потертый чемодан. — Мы должны вернуть вещи госпожи Демидовой и хотели передать их через Владимира Михайловича. У Марии Павловны был с собой мешочек с серебром. Предлагаю заменить монеты на золотые десятирублевки и добавить ассигнаций. Владимир Михайлович не знает, сколько денег было в кошельке, потому возьмет без вопросов.

— А вернуть их будет уже затруднительно, — многозначительно заметил Петр.

— И мы станем отрицать, что подменили монеты, — усмехнулся Феликс. Хотя бы в такой мелочи, ему было приятно провести Демидову.

— Касательно сегодняшнего приема, не будем ничего отменять, но разговор с великим князем не состоится.

Слова Николая пришлись всем по душе, и на лицах друзей отразилось облегчение. Несмотря на решимость добиться освобождения отцов, убийцами из них никто не был.

— Мы объявим гостям о безумии Демидова, но умолчим об истинной причине убийства его сына.

— Такие подробности ни к чему, — согласился с Николаем Голицын.

И они остались ждать визита Владимира Михайловича.

Царское село. Утро

Николай Второй, хмурясь, изучал поданную ему записку. Прочитал текст, потом вернулся к началу. Стоя навывтяжку перед столом, Владимир Михайлович не торопился с подробностями. За годы службы он изучил царя и знал, что тому нельзя выкладывать все разом. Потому в поданной записке было упомянуто лишь задержание повредившегося рассудком Павла Александровича Демидова.

— Значит, Демидов все-таки сошел с ума, — с огорчением проговорил его величество. — Я заметил признаки его состояния еще в нашу первую встречу, но решил, что он сможет справиться с горем и перенести гибель сына. Жаль, что не смог.

— Ваше Величество, смею возразить, безумие господина Демидова началось гораздо раньше и гибель его сына стала следствием того, а не причиной. Мои люди побеседовали с теми, кто вел с ним дела. Все говорили о том, что последние десять лет дела у Демидовых шли все хуже и хуже. Они начали продавать доли в предприятиях, имения, дома. И Павел Александрович активно искал возможность поправить финансовое положение семьи. Еще говорили, что хозяйка Медной горы наложила на него заклятие, и его дар перестал работать в полную силу. Ходили слухи, что он обращался к чернокнижникам, дабы вернуть способности.

— Вы пытаетесь сейчас рассказать нам то, о чем шепчутся бабки на базаре? — взъерился царь, отпихивая от себя докладную записку.

Владимир Михайлович никак не отреагировал на приступ царского гнева.

— В его доме было обнаружено вот это, — он поднял с пола шкатулку, открыл и начал выкладывать на стол перед императором артефакты, которые его люди заранее обезвредили.

— Этот можно получить лишь путем жертвоприношений, — и на лакированную поверхность дубового стола лег черный камень в красную крапинку.

— Сложно сказать, купил его Демидов или сделал сам, но хранение запрещено законом.

Николай Второй брезгливо поморщился. Черную магию он на дух не переносил, считая ее не меньшим злом, чем бунтовщиков с их революционными идеями.

— Записи господин Демидов большей частью уничтожил, но следы опытов так просто не скроешь.

— Это, — рядом с черным камнем легла пара искореженных прозрачных кристаллов, — заготовки для создания артефакта, подчиняющего мертвое тело. Так же мы обнаружили следы каменной пыли и особый ледник, в котором хранился разрыв-камень. Именно лед смог исказить время смерти мальчика. Опрошенный сегодня утром целитель подтвердил, что заметил примененное Демидовом очищающее заклинание, но счел его следствием временного помутнения при виде тела сына. Кроме того камердинер заявил, что по поручению хозяина он устроил трапезу для домового Юсупова, используя приманкой перчатки хозяина, которые тот лично подарил Демидову. Камердинер счел трапезу проявлением уважения и не стал докладывать о ней следствию. Выходит, с его помощью Демидов отвлек домового от кабинета, а для усыпления хранителя использовал свой родовой дар. Все это подтверждает то, что господин Демидов заранее подготовился к убийству сына, который не был ему родным.

Вот тут царя проняло. Он вскинул брови, заморгал, неверяще посмотрел на Владимира Михайловича и переспросил тихим голосом:

— Это точно?

— Увы, да. Мы, конечно, можем провести эксгумацию тела и установить родство, но есть показания директора гимназии о том, что у Элима Демидова проснулся дар проклятийника.

— Юсупов! — недовольно выплюнул царь. — Позарился на жену друга!

— Сложно сказать, кто именно был виноват, эм, в сложившейся ситуации, — осторожно заметил Владимир Михайлович. — Возможно, жена господина Демидова испугалась проклятия, согласно которому она могла умереть, рожая мальчика.

— Это не проклятие, а глупое поверье! — раздраженно бросил Николай II, и Владимир Михайлович пожал плечами. Поверье возможно и глупое, но почти в каждом роду имелись похожие. У Юсуповых боялись за второго наследника, который мог не дожить до двадцати пяти лет. А у Демидовых в последних двух браках жены погибали при родах.

— Ну какая глупость верить в такое! — повторил царь. Владимир Михайлович спорить не стал. В женских глупостях он был несведущ. Да и сложно в таких делах установить истину. Может Юсупов был тайной любовью госпожи Демидовой, и она мечтала родить от него ребенка.

— Однако мы так и не услышали доказательств вины Демидова, — произнес Николай II, хотя уверенности в его голосе поубавилось.

— Я могу это подтвердить, ваше императорское величество, — и в кабинет без спроса шагнула Ольга Николаевна.

— Ты? — удивился Николай II, и его глаза расширились от изумления.

— Да, ваше величество, я виновата, — девушка покаянно опустила голову. — Не спросив разрешения, я вместе с Марией Павловной, внебрачной дочерью Демидова, отправилась к нему в особняк, — в ее голосе послышалось восхищение. — Там я своими ушами слышала, как Демидов признался в убийстве.

— Что это значит? — недовольно спросил царь, глядя на мага, и его глаза потемнели от гнева.

— Моя вина, готов понести наказание, — склонил голову Владимир Михайлович, готовясь к любому исходу. Уволят — поедет в поместье к родителям. Давно обещал навестить. Может жениться заодно... Тоже давно пора. А то все служба, да служба...

— И понесете, — согласился царь. — Моя дочь не должна быть замешана в подобных делах.

— Не возражай, — остановил он, открывшую было рот княжну. — Я понимаю твоё желание исправить ошибку, которую, возможно, я совершил. Однако это не значит, что ты должна рисковать своей репутацией. А теперь иди, я подумаю над наказанием, которое ты заслужила.

Ольга Николаевна присела в реверансе и покорно удалилась.

Владимир Михайлович замер у стола, ожидая решения царя.

Николай II встал, прошелся по кабинету, в задумчивости остановился у иконы святителя Николая.

— А ведь я чувствовал, что с этим делом что-то не так, — проговорил он. — Понимал, что у Демидова были все возможности представить доказательства вины Юсупова. Но главное, он представил мотив, и вы знаете, какой.

— Свержение царского режима, — подтвердил Владимир Михайлович.

— Однако вы мне сказали, что дополнительная проверка не нашла никаких улик, указывающих на то, что Голицын, Юсупов и Орлов-Давыдов могли быть замешаны в заговоре.

— Так точно, ваше императорское величество.

— И вы же мне сказали, — напомнил Николай II, который обладал хорошей памятью, — что это ничего не значит. Заговорщики могли хорошо скрываться.

— Я ошибался, ваше величество, — признался мужчина.

— Мы все погорячились с этим делом, — согласился царь, не дав ему взять вину целиком на себя. — Что же... В виду открывшихся обстоятельств, я разрешаю дополнительное расследование. И если оно подтвердит вину Демидова, я подпишу указ об их освобождении.

— Мудрое решение, ваше императорское величество, — с облегчением произнес Владимир Михайлович и... остался на месте.

— Что-то еще? — обернулся к нему от иконы царь.

— Суший пустяк, — напряженно улыбнулся тот. — Госпожа Демидова сыграла важную роль в расследовании. Вынужден признать, без нее мы бы не справились.

— Внебрачная дочь, — недовольно проговорил царь. — Хотя о чем я говорю, когда мой собственный брат заявляет мне, что готов признать своего внебрачного сына и жениться на этой, — на лице Николая промелькнула брезгливость, — женщине. Если императорская семья ведет себя так, то что требовать от подданных? И что вы хотите для Демидовой?

— Сохранить ей приданое и назначить содержание.

— Насчет приданого — согласен. В конце концов даже талантливой девице нужен пригляд, а с приданным она легко выйдет замуж.

— Боюсь, ваше величество, замуж она не торопится, — осторожно проговорил Владимир Михайлович, а то с царя станется требовать свадьбу Демидовой, дабы поставить красивую точку в этом деле.

Николай II нахмурился.

— И что же нынче угодно образованным, красивым, да богатым барышням? — и в его голосе послышалась усталая досада, не имеющая, впрочем, никакого отношения к Демидовой. — Все им нейдет чего-то. Эмансипация эта... И чего она желает? В университет? В сыскные чины?

— Всего лишь открыть сиротский приют, — терпеливо проговорил Владимир Михайлович.

Царь удивленно вскинул брови, покачал головой и согласился:

— Что же... Приют дело полезное. Мы даем наше позволение. Давайте бумагу. Знаю, что у вас она приготовлена. Я подпишу, а то моя дочь спать мне спокойно не даст. Я ее знаю. Небось, уже взяла Демидову под свое крылышко, — и глаза императора потеплели.

Глава 2

Владимир Михайлович появился лишь к обеду, и судя по его виду, спать этой ночью он тоже не ложился. Правую половину туловища маг оберегал, стараясь не работать рукой, и Николай глянул на него сочувствием, а вот Феликс с завистью. Если бы брат раньше знал, что в корпусе дворцовых магов так весело, давно попросился бы к ним на службу, чем довел бы матушку до нервного истощения. Она и так над ним с детства тряслась, хотя в итоге в их семье рисковал жизнью старший – едва не погибнув на дуэли.

— Как состояние Марии Павловны? – первым делом осведомился Николай после обмена короткими приветствиями.

— Все хорошо, — успокоил их Владимир Михайлович. — Целитель успел вовремя. Госпожа Демидова потеряла много крови, но организм молодой, выкарабкается. Так что не волнуйтесь, с ней все будет в порядке, она сейчас в надежных руках.

— Какое облегчение, — улыбнулся Николай, чувствуя, как с плеч словно тяжелый мешок свалился.

— Мы можем ее навестить? — поинтересовался Феликс.

— Нежелательно, — честно признался Владимир Михайлович. — Газетчики уже дежурят у больницы. Сами понимаете, дело получило широкую огласку. И любое посещение вами Марии Павловны вызовет ненужные вопросы. Потому предупредите остальных, кхм, наследников, что никого из Юсуповых, Голицыных или Орловых-Давыдовых я не хотел бы видеть у палаты Марии Павловны. Да и вряд ли она обрадуется вашему посещению, — намекнул он на свою осведомленность в их деле.

И хотя Владимир Михайлович был абсолютно прав, Николай все равно почувствовал себя уязвленным.

— А Демидова взяли? – с азартом подался вперед Феликс, когда Николай хотел было уже предложить гостю чай или перекусить.

— Взяли, — коротко кивнул маг и добавил, помрачнев: — Трех из моих людей в целительскую упек. Проще было бы убить, но тогда... — и он выразительно замолчал, давая Юсуповым возможность оценить потраченные на них усилия.

— Мы готовы сделать пожертвование, — тут же отреагировал на намек Николай.

— Не требуется, — отмахнулся Владимир Михайлович. — В конце концов, это и наш недогляд. Нужно было тщательнее проверять слова Демидова.

И он замолчал, явно до сих пор переживая тот промах, пусть и не им совершенный. Дворцовые маги отвечали в первую очередь за безопасность императорской семьи, вмешиваясь в расследования, только если они напрямую касались императора или его родственников. Но этот случай точно выходил за рамки простого расследования.

— Я прямо с доклада, — очнулся от невеселых мыслей Владимир Михайлович.

— А давайте мы поговорим о деле за едой. Прошу в столовую, — пригласил его Николай. — Если вы не против отобедать с нами.

— Тороплюсь, конечно, — страдальчески вздохнул маг, — но с утра маковой росинки во рту не было, — пожаловался он, проходя в комнату, где уже был накрыт стол.

Оценил выставленные на стол блюда под колпаками, отсутствие слуг и одобрительно кивнул – Юсуповы умели принимать.

— Как все прошло? – не выдержал Феликс, когда Владимир Михайлович ополовинил тарелку наваристого борща. Сам он едва притронулся к еде, бездумно кроша хлеб на стол и не реагируя на выразительные взгляды старшего брата.

— Его Величество дал добро на пересмотр дела, — Владимир Михайлович потянулся за ветчиной, и Николай поспешно пододвинул к нему блюдо, на котором лежала ветчина а-ля франсез.

— Вас можно поздравить, — проговорил маг, и Николай ощутил, как отпускает напряжение, как распускаются внутри стянутые в тугий узел нервы, как тело накрывает слабость.

За словами о пересмотре дела скрывалось то, что царь более не сомневался в вине Демидова. Возобновление расследования было лишь формальностью, и скоро, совсем скоро, отец будет дома.

Сегодняшний праздник, который они устроили, чтобы заручиться сторонниками и вытащить отца из тюрьмы, похоже, станет настоящим торжеством.

— У меня к вам две просьбы, — проговорил Владимир Михайлович, закончив с борщом. — Во-первых, я прошу вас молчать о том, кого вы встретили в особняке Демидова.

— Да-да, конечно, можете не сомневаться, — поспешно проговорил Николай.

— Мы там никого и не видели, — усмехнулся Феликс. — Да и нас самих там не было. Разве что вас, многоуважаемый Владимир Михайлович, ну и, конечно, Марию Павловну. Ее-то роль вы оставляете?

— Ее, да, — согласился Владимир Михайлович. — Однако касательно ее службы у вас под видом служанки...

На губах Феликса заиграла ехидная улыбочка.

— Разве Мария Павловна могла пойти в служанки? Вы что-то путаете, Владимир Михайлович. У нас работала Акси́нья. Вчера рассчитали, сегодня убыла. Куда? Не знаем. Не докладывала. В противоправных действиях замечена не была. Хорошая девка.

Николай предупреждающе кашлянул, но Феликса уже понесло.

— Работящая. Молчаливая. Царя не ругала. Всем была довольна. Никаких претензий к ней и быть не может.

— Добро, — согласился Владимир Михайлович.

— Но у нас к вам встречная просьба, — подался вперед Феликс. — Знаю, что это нескромно с нашей стороны. Возможно, чересчур нескромно. Но не могли бы вы в обмен на наше молчание, умолчать о том, что Элим был нам сводным братом?

Владимир Михайлович раздумывал недолго.

— Это будет не сложно. Спишем убийство на усугубляющееся безумие.

— Прошу, отведайте котлеты из осетрины. Прямо тают во рту — и Николай передал магу блюдо с котлетами.

Тот положил себе пару штук, однако пробовать не спешил.

— Касательно вашего увлечения эсерами, Феликс Феликсович, — строго посмотрел он на младшего Юсупова.

— Виноват, исправлюсь, был глуп и неосмотрителен, — с дурашливым выражением на лице проговорил Феликс, и в его светлых глазах заплясали чертенята.

Владимир Михайлович перевел беспомощный взгляд на Николая, явно не зная, как поступить. Судя по заходившим на его лице желвакам, он предпочел бы выпороть наглого юнца, но не хотел ссориться с Юсуповыми.

— Я прослежу за ним, — мягко улыбнулся ему Николай, прекрасно зная о том, сколь малое влияние он может оказать на младшего брата. Впрочем, Феликс и сам не стремился сблизиться с бунтовщиками. Их порядки казались ему раздражающе-лицемерными. Привыкший с детства к власти, он не стремился к ней, в то время как большинство из эсеров радели вовсе не о благе народа, а о себе, любимых и месте под солнцем.

Дальше разговор пошел о суде, вскрывшихся деталях дела и словах, которые стоило говорить газетчикам, а которые нет.

Когда закончили с пирогами и чаем, Феликс поднялся из-за стола.

— Надеюсь, вы не сочтете за труд передать Марии Павловне ее вещи, — широко улыбнулся он, протягивая Владимиру Михайловичу потертый чемодан.

— А вот здесь денежки, которые у нее при себе были. Сумма довольно приличная. Госпожа Демидова, видимо, рассчитывала после случившегося уехать из столицы.

И Феликс передал слегка удивившемуся такой просьбе магу увесистый мешочек.

— Пожалуйста, убедитесь, что она получит их в целостности и сохранности, — проникновенно заглянул он ему в глаза.

Во взгляде Владимира Михайловича промелькнуло подозрение, кажется, он вообще не был склонен доверять Юсупову-младшему, однако мешочек взял. Развязал, заглянул внутрь, удивленно вскинул брови, но говорить что-либо не стал.

— Обязательно передам, — заверил он Феликса. — Марии Павловне деньги сейчас лишними не будут. Насколько я слышал, она собирается в поместье, которое досталось ей в приданое, открыть приют для сирот. Очень, знаете ли, правильная особа, — с неприятно царапнувшим Николая уважением произнес дворцовый маг.

После они распрощались с Владимиром Михайловичем, который пообещал держать их в курсе дальнейшего расследования и судьбы их отца.

— Готовьтесь, господа, к осаде. У газетчиков нюх на недосказанность, а мы с вами сокроем от них самое сладкое, — предупредил он Юсуповых на прощанье.

Георгиевская больница

Я приходила в себя урывками, то выныривая из забытья, то снова проваливаясь в черноту.

В моменты моего бодрствования мир состоял из звуков и ощущений. Шаги. Звон стекла, словно стакан стукнул о графин. Холод исцеляющего заклинания. Тепло повязки на глазах, пахнувшей травяной мазью.

Смазанные слабостью и жаром короткие мгновения перемежались темнотой забвения, пока однажды я не открыла глаза и поняла, что больше не хочу спать.

Оглядела белый высокий потолок, повернула голову – за окном стоял день, и солнце заглядывало внутрь, протягивая лучи до стены, отделанной в светлый кафель плитки.

Со скрипом распахнулась дверь с закрашенными белой краской стеклами, и полненькая сестра милосердия радостно всплеснула руками:

— Очнулась, батюшки мои. То-то Филимон Аркадьевич обрадуется.

И скрылась за дверью, видимо, чтобы порадовать неведомого мне Филимона Аркадьевича.

В палате, где я лежала одна, травяной запах мешался с ароматом сирени. Я удивленно приподняла голову и увидела пышный букет, стоявший на столике у стены. Кажется, я знала, кто расщедрился прислать столь роскошный для начала мая подарок из личных оранжерей Марии Федоровны.

Рядом с сиренью обнаружили коробку конфет и пара книг. Похоже, меня не забыли, и Лев Георгиевич принес самое для него дорогое – книги.

От нахлынувших чувств защипало глаза.

— А что-то это мы плачем? – донеслось встревоженное восклицание от двери. – Что-то болит у нашей красавицы?

Я покачала головой, встретившись глазами с веселым взглядом молодого целителя. Филимон Аркадьевич был высок, строен, черняв и курчав так, что было не понятно с первого взгляда на голове у него шапка или волосы.

Целительская форма: зеленая просторная рубашка и балахонами штаны — болталась на нем, как на вешалке.

Со временем орден целителей принял ряд послаблений, и теперь тем, кто в него вступал, не требовалось принимать монашеский постриг и хранить celibат. В наши дни целительство стало не призванием, а работой. И хотя церковь все так же продолжала заведовать больницами

и лечебницами, государство все больше перетягивало одеяло на себя, например, оплачивая работу больниц для бедняков.

— Ну-ка, ну-ка, — Филимон Аркадьевич наклонился ко мне, и кожу защекотало проверяющее заклинание.

За его спиной мялась с благоговейным видом, словно доктор мертвого оживлял, знакомая мне сестра милосердия.

— Неплохо, неплохо, — замурлыкал мужчина.

— Хотите что-нибудь? — выпрямился он.

— Пить, — просипела я непослушным голосом.

— Это можно, — разрешил Филимон Аркадьевич, и сестра с удивительной для ее габаритов сноровкой метнулась вперед, налила стакан воды и, ловко приподняв меня, напоила.

— Сколько я уже здесь? — спросила, отдышавшись и без сил опускаясь на подушку.

— Третий день, госпожа, — с готовностью поведала женщина. — До вас столько народу хаживало: и дамы, и господа, только начальник, который вас сюда привез, велел никого не пускать и охрану выставил.

Владимир Михайлович? С него станется.

— Можете передать ему, что я хотела бы его видеть, — попросила, чувствуя, как внутри все сжимается от нетерпения. Третий день! Что угодно могло произойти за это время. — И было бы весьма любезно с вашей стороны принести мне газеты.

Мое рвение Филимону Аркадьевичу не понравилось.

— Вам, госпожа Демидова, лечиться нужно и отдыхать, а не перетруждать себя беседами и чтением. Тем более, что кому нужно — сами во всем разберутся.

Вот именно это меня и пугало.

— Умоляю, — просипела я, и взгляд целителя смягчился.

— Хорошо, газеты я вам принесу и записку Владимиру Михайловичу отправлю. Он и сам просил дать знать, когда вы придете в себя.

Газеты вскорости принесли, и я жадно погрузилась в чтение.

Что же... Могло быть и хуже. Конечно, заголовки пугали своей категоричностью: «Безумие, погубившее три рода», «Демидов, обманувший всех, но не себя», «Отец, оказавшийся убийцей», но в самих статьях оказалось не так все и страшно.

Из газет выяснилось, что я давно подозревала безумие отца. Что обратилась за помощью к знакомому мне магу, который служил при дворе.

Я задумалась, потом решила, что Владимира Михайловича и можно считать этим знакомым.

Вместе с ним мы навестили Демидова, дабы проверить его состояние, которое как раз стало ухудшаться. Дальше дворцовый маг вызвал подмогу и безумца скрутили. Попутно — из обнаруженных улик — выяснилось, что безумие толкнуло Демидова на убийство собственного сына и обвинение в нем Юсупова, Голицына и Орлова-Давыдова.

Ни слова о княжне, Аксинье и моем расследовании. Владимир Михайлович отлично поработал. Вроде как все случайно вышло, но закончилось хорошо.

А сейчас готовился суд и освобождение несправедливо обвиненных дворян с восстановлением во всех правах.

Прекрасно.

Ну и главное — ни единого упоминания о вендетте. Мол, было и было.

Теперь бы выслушать о своей судьбе. Что там решила власть? Надеюсь, им не интересно упечь меня за решетку. Да и преступления мои не так уж и велики... Паспорт подделала. За служанку себя выдала. Верится, Юсуповы не столь мстительны, чтобы...

Юсуповы! И меня обожгло воспоминание. Николай, вбирающий в себя тень.

Хоть бы показалось! Если их правда за чем-то понесло в мой дом... Хотя, что там гадать — за мной отправились. То они в курсе моего обмана... А я надеялась, обойтись без раскрытия своей личности... Уволилась служанка и уволилась...

Не судьба... Представляю, как разозлился Феликс, когда узнал, что все это время я была у него под носом... И как досадовал Николай, когда понял, кого именно он столь легко отпустил...

А если они захотят меня навестить? — испугалась я. Нужно будет попросить Владимира Михайловича не снимать охрану. Не готова я пока встречаться с теми, кому изрядно попортила жизнь за последние дни.

Лежать в палате было скучно, а без Огневушки, с которой я успела сродниться за эти годы, еще и тоскливо. Но если мой фамильяр не вернулась, значит, она сочла Федора достойным быть мастером и везет его сейчас на Урал к Хозяйке. И мне нужно отбыть туда, как можно скорее, пока Каменная дева не уморила мальчонку.

И я вспомнила, как впервые встретила Федора...

— Давай, испытай его! — в голосе Огневушки сквозило явственное нетерпение.

Это было мое первое лето после смерти Ольги Васильевны. Год, когда мой отец изменил ко мне отношение, и я получила не только свободу от пансиона, но и право приезжать на лето в столь любимый им Вишневец.

Там-то Огневушка и заметила мальчишку лет десяти.

Как помню — стоял выматывающий жарой июльский день. Парило так, что дышать было нечем — и природа застыла в томительном ожидании прихода грозы.

Мне даже пошевелиться было лень, не то чтобы кого-то испытывать.

— Испытай! — не унималась Огневушка, и по ее рыжим волосам побежали золотые искорки, предвестники гнева. Ими Огневушка преобильно жалилась, и я предпочитала не доводить дело до ссоры, да и глупо ссориться с фамильяром... Мы с ней, считай, единое целое.

Пришлось подниматься и идти во двор — иначе не отвяжется.

Мальчишку звали Федор, Федька, Федорка, Федюня, бес окаянный, чтоб у тебя глаза повылазили, а еще Федул — лужу надул, ну и прочими ласковыми прозвищами, на которые деревенские были особенно щедры и от которых хотелось дать обидчику в глаз.

Федька, видать, обид не терпел и частенько щеголял синяками на лице.

Волосы у него были белобрысыми, но уже начинали темнеть, обещая к совершеннолетию стать русыми. Серые глаза внимательно и пытливо смотрели на мир. А вот уши были примечательными... Они бодро торчали в разные стороны, словно стремясь отделиться от хозяина.

А так... Мальчишка, как мальчишка. Ничего особенного. Да, смышленный. Любит озорничать. Проказничает так, что кухарка сразу за полотенце берется, стоит ему появиться на пороге кухни. Зато кузнец его нахваливает, говоря, что, как нарастет на мальчишке мясо, в подмастерье его к себе возьмет, мол, руки у парня золотые.

Таких — бойких, да смышленных — в Вишневец с десятков обитало. Отцовские воспитанники. Все сироты или из больших семейств, где были рады избавиться от лишнего рта. Батюшка их по округе собирал, а как подрастали — отдавал в ремесленные училища, сообразно проявленному таланту. А после к себе на работу брал, приговаривая, что эти-то преданы с детства: ни воровать, ни лениться не станут. И в чем-то был прав... Лучшие его приказчики были как раз из воспитанников.

Вспоминая об этом, я с трудом могла представить, как помощь сиротам, из которых действительно получались хорошие мастера, сочеталась в отце с тем злом, которое он причинил в жизни, бросив мою мать и убив собственного сына.

Непостижимо.

Но, наверное, в этом и заключался тайный смысл создания человека: соединить в нем свет и тень, давая возможность в вечной борьбе выбирать что-то одно.

Мой батюшка тоже мог выбрать. Отослать сына прочь или признать его, пусть и не родного. Признать меня наследницей или выдать замуж за подходящую партию и ждать внуков. Но он предпочел путь разрушения и смерти.

Я вновь вернулась мыслями в то лето. Чем-то зацепил Огневушку нестриженный, вихрастый мальчишка. С умным взглядом серых глаз.

Федька был сиротой. Мать его в горячке через сутки после родов померла, а отец ушел на заработки, да так и не вернулся. Не редкий случай в тех краях, где до монастыря с целителями было целый день добираться, и помощь просто не успевала прийти.

Сиротство мальчишку не тяготило, и он весело носился по округе, когда удавалось улизнуть от работы в поместье.

— И как ты хочешь, чтобы я его испытала? — хмуро спросила я у Огневушки. Стоило сделать шаг из-под тени плакучей ивы, как солнце пеклом обожгло кожу, и я поспешно раскрыла зонтик. У пруда в саду было прохладно и идти в обжигающе-горячий двор не хотелось.

— Дай ему поиграть с лошадкой.

Я нахмурилась еще сильнее.

Статуэтку лошади из восковой яшмы батюшка подарил мне на день рождения. Камень имел теплый, маслянистый оттенок — от медово-желтого до густого янтарно-коричневого, с плавными переходами и более темными прожилками, словно в толще застыл мед. Мастер умело использовал природные изгибы рисунка: на крупе коня играл светлый, почти золотистый узор, а вдоль мощной шеи вилась темная полоса.

Вставший на дыбы конь, раздувая ноздри и напрягая мышцы, стоял на малахитовой подставке, и казалось, вот-вот сорвется вскачь и помчится по дороге. В глаза мастер вставил крошечные крупинки темного обсидиана, оживив взгляд животного и сделав его блестящим.

Я очень дорожила статуэткой, впрочем, как и любым подарком отца.

Конь стоял на подоконнике моей комнаты и был предметом зависти всей ребятни в округе.

— Зачем он ему? — с подозрением осведомилась я, не желая отдавать ценность в чужие руки.

— Увидишь, — загадочно ответила Огневушка. И мое настроение испортилось окончательно.

Я ненавидела, когда Огневушка начинала вести себя именно так — не советуясь со мной. В такие моменты я вспоминала о том, что даже не знаю, сколько ей лет и как давно она служит Хозяйке Медной Горы. ... а я сама недавно в куклы играла.

— Смотри, смотри, — жарко шептала мне в ухо Огневушка.

Мы прятались среди поленицы дров, наблюдая за тем, как Федор с благоговейной осторожностью держит статуэтку коня в руках.

Конь и правда был хорош — солнечный свет, оглаживая, струился по его бокам, золотя желтую шкуру.

Наверное, батюшка подарил мне его с умыслом, чтобы захотелось оживить, вдохнуть в него жизнь. Испытание — а не игрушка.

— Смотри, — толкнула меня в бок Огневушка, и вдруг передняя, поднятая вверх нога коня откололась, упав на вытоптанный двор.

Я тихонько охнула, а Федор пораженно замер. Потом наклонился, поднял отломанную часть, посмотрел на нее в ужасе, приставил обратно и та, конечно же, упала вновь.

Представляю, что он сейчас испытывал. Я ведь дала ему коника поиграть, строго-настрого наказав обращаться с ним бережно. Дала, как награду за то, что он принес мне полную шапку душистой и сладкой земляники.

А теперь драгоценная лошадка сломалась по его вине...

Наказание, думаю, его не слишком пугало. Наказывали Федьку часто и к порке он привык. А вот то, что столь красивая вещь сломалась, его сильно расстраивало.

Да что там говорить! Я тоже стояла донельзя расстроенная, ощущая идущие от мальчишки волны отчаяния. Хотела уже было вмешаться, но Огневушка меня остановила.

— Тихо, — прошептала она и добавила выразительно: — Начинается.

Не знаю, что там начиналось. Я видела лишь сгорбленную фигуру мальчика, который растеряно вертел в руках сломанную статуэтку.

Конь без одной ноги...

Федька приставлял и приставлял ногу, словно надеясь, что она прирастет. И эта беспомощная отчаянность была столь трогательной, что я решила вмешаться, несмотря на запрет Огневушки. Мне тоже было жаль коня, но в конце концов это всего лишь игрушка. Да и я смогу ее починить.

Но тут вдруг парнишка выпрямился, и в его фигуре появилось что-то новое. Идущее от него отчаяние сменилось на уверенность. А потом приставленная часть осталась на месте.

Мальчишка провел пальцем по камню, потряс статуэтку – нога стояла, как влитая. Он отставил коня в сторону и любовно его оглядел.

— Он смог его починить! — пораженно прошептала я. Огневушка же притопнула, закружилась на месте, весело подхихикивая, и закивала:

— Да-да, смог.

— Еще не мастер, — сказала она с огорчением. – Маленький еще. Не вырос. Но когда вырастет...

Я с сомнением посмотрела на Федьку. Какой из него мастер? Щуплый, несуразный, одни коленки, локти и уши. Все поцарапанное и в синяках.

— Ты уверена? – прошептала, отступая от поленицы.

— Нет, — отозвалась Огневушка, — но как подрастет, испытаем еще раз.

Глава 3

В этот день я смогла встать и сделать мучительно-тяжелые пять шагов до уборной. После прогулки ноги тряслись, спина была мокрой от пота, зато я могла гордиться собой. Заодно полюбовалась на себя «красивую» в зеркале. Кожа, словно кирпичом натерта, а на шее и у волос темные разводы засохшей крови.

Когда вернулась в постель и отдышалась, попросила мокрое полотенце и зеркальце – отмываться.

Потом дотянулась до подаренных мне книг.

«Курс общей магии. Том первый» с удивлением прочитала на обложке. Кажется Лев Георгиевич окончательно поступился своими принципами. Узнают в университете – будет скандал. С ехидной улыбкой на губах я открыла первую страницу. Ну-с, почитаем, чему учат студентов.

Владимир Михайлович прибыл, когда за окном полностью стемнело, в больнице отужинали, и больные готовились ко сну. Сначала в коридоре раздались раздраженные голоса, кто-то что-то доказывал, а потом дверь палаты приоткрылась, в нее вошел маг, бросил через плечо:

— Десять минут, — и закрыл дверь.

— Строго здесь, — сказал он с одобрением.

— Как ваше самочувствие, Мария Павловна? Выглядите неплохо.

— Вы мне льстите, Владимир Михайлович, — улыбнулась я, откладывая учебник.

— Что это у вас? – мгновенно заинтересовался он. Подошел, глянул на обложку, вздернул брови, потер переносицу.

— Хотя это и против правил, но я могу принести вам свои записи лекций. Что-то мне подсказывает, Демидовскую библиотеку вы прочитали от корки до корки.

Я с благодарностью кивнула.

— Весьма любезно с вашей стороны. Обещаю, не использовать полученные знания в преступных целях.

Владимир Михайлович усмехнулся.

— О преступных целях мы еще с вами поговорим.

Он сел в кресло, утомленно вытянул ноги, и я поняла, как он устал за эти дни. На маге была надета парадная форма: белые лампасы на зеленых штанах, в тон им с белыми же вставками китель и вышитые на рукаве и манжетах слова «Магическая дворцовая служба», а сверху над вензелями скрещенные мечи под солнцем.

«Мы на страже света» — официальный девиз тех, кто стоял между магами и простыми людьми, кто судил одаренных, их же и защищал.

Видимо Владимир Михайлович ко мне сразу с приема или из суда. На груди — медальон со сложным узором. Не столько украшение, сколько артефакт. На пальцах — пара перстней, надетых с той же целью.

— Мне жаль, я не могу предложить вам даже чаю, — огорчилась я.

— Пустое, Мария Павловна, — отмахнулся мужчина, — я отправлюсь поужинать сразу после разговора с вами. Смотрю, вы уже изучили газеты, — и он одобрительно кивнул на стопку газет у стола.

— Однако, уверен, вам интересно истинное положение дел.

Он помолчал, собираясь с мыслями, а я сама не заметила, как села, выпрямив спину, пальцами вцепившись в край одеяла.

— Ваш батюшка признан сумасшедшим, а также виновным в убийстве Элима Демидова, совершенным под действием безумия. Кроме того ему предъявлено с десятков обвинений связанных с хранением запрещенных предметов и их использованием. Он лишен титула, состояния и помещен в специальную лечебницу на пожизненный срок.

Я выдохнула. Что же... Ожидаемый итог. Радости я не чувствовала, только сожаление о том, что мы так и не стали нормальной семьей. Я ведь готова была его простить, но... Не сложилось.

— Юсупов, Голицын и Орлов-Давыдов освобождены из заключения с восстановлением прав.

А быстро они. Три дня лишь прошло с ареста отца.

— Что касается вас, Мария Павловна, — и взгляд мага потяжелел, — принимая во внимание ваше раскаяние, чистосердечное признание и помощь следствию, а также решение Юсуповых не подавать против вас заявления, обвинение выдвинуто не будет.

Еще один рваный выдох. Я надеялась на этот исход, но с властью нельзя быть ни в чем уверенной. От тюрьмы и сумы... Тем более с моим поддельным паспортом и бегством из дома.

— Благодарю за милость, Владимир Михайлович.

— Меня-то за что? — отмахнулся мужчина. — Это великая княжна постаралась. Убедила отца пересмотреть дело. С приданым тоже, думаю, устроится. А указ о выделении вам содержания от казны уже подписан. Немного, конечно, восемьсот рублей в год, но лучше, чем ничего.

— Этого более чем достаточно, — заверила я Владимира Михайловича, ощущая, как предательски защипало в носу. На такую щедрость от короны я и рассчитывать не могла.

— Недостаточно, — поправил меня маг. — Я просмотрел отчеты о поместье. Оно в плачевном состоянии. На открытие приюта вам понадобится в десять раз больше средств. Ольга Николаевна уже объявила сбор. Она постарается собрать нужную сумму до вашего отъезда.

И я подумала о том, чтобы завтра же написать благодарственное письмо великой княжне. А еще подумать о том, чем отблагодарить Ольгу Николаевну. Чем-то... достойным дочери царя.

— Когда я смогу уехать? – поинтересовалась я. Туманное будущее обретало черты и нужно было выстраивать новую жизнь, в которой я стану... Хм, интересно, оставят ли мне фамилию Демидова? С другой стороны, чтобы отменить решение отца, моим родственникам придется постараться... Вряд ли кто-то из них столь мелочен и готов понести судебные расходы, лишь бы мне насолить.

Итак, я останусь Демидовой, а вот дальнейшее зависело от жадности моей родни. Я могу распоряжаться деньгами и доходами с поместья, но продать или заложить не имею права без согласия попечителя. Он же может здорово испортить мне жизнь, если сочтет открытие приюта блажью.

Владимир Михайлович нахмурился. Посмотрел поверх моей головы, прикидывая что-то в уме.

— Понимаю ваше желание, — произнес он с тяжелым вздохом, — но дело о вашем приданом не решится в ближайшие дни. Наберитесь терпения. Я сделаю все, что могу.

И я с огорчением поняла, что все же придется вернуться в дом и встретиться лицом к лицу с родней.

А где-то там Огневушка... И Федя. Я, конечно, оставила фамильяру денег, но непонятно сможет ли она ими распорядиться. Да и оба без документов... Она-то в любой момент исчезнуть может, обернувшись в ящерицу, а вот мальчишка...

— Да и поправиться вам требуется, Мария Павловна, — в голосе мага прозвучала неожиданная теплота. — Вы сильно пострадали. Еще и по моей вине получили истощение...

И он бросил на меня виноватый взгляд.

— Не наговаривайте на себя понапрасну, Владимир Михайлович, — укорила я его, — если бы не вы, у меня ничего не вышло бы. А удержать дом стоило хотя бы ради того, чтобы никто не погиб под обломками. Да вам Юсуповы в ноги кланяться должны за то, что помогли очистить имя их отца, как и Голицыны с Орловыми-Давыдовыми.

— Уж если говорить про поклоны, — усмехнулся он, — то кланяться вам они должны не меньше.

— Чуть не забыл! — он стукнул себя по лбу. Вышел в коридор, вернулся оттуда со знакомым мне чемоданом. А вот это было очень кстати. Больничный халат и ночнушка были в больнице приемлемого качества, но ни гребешка, ни зубного порошка здесь не полагалось.

— Юсуповы просили передать вещи и деньги.

Маг поставил чемодан около шкафа, достал из-за пазухи мешочек и положил его на кровать.

Я рассеянно глянула на кошелек. Приятно, конечно, что вернули. С другой стороны, вряд ли Юсуповы опустились бы до воровства... Не их профиль. Вот проклясть кого-то — это пожалуйста.

И я вдруг неожиданно для себя поняла, что буду скучать по дням, проведенным в их особняке, вернее по ночам, когда вместе с Прокопием Прокопьевичем взламывала кабинет князя и добывала улики. По равному — одна из служанок — отношению. По болтовне с Агафьей. И по острому, как бритва, чувству опасности. А вот по мытью полов точно скучать не буду.

Впрочем, от мытья полов зарекаться мне не стоило. Я же не барышня больше. Без князя Сан-Донато за спиной ничего не стою. Придется самой зарабатывать репутацию.

— Спасибо вам за заботу, — в который раз поблагодарила я мужчину, и тот вдруг смутился, почесал кончик носа и предложил:

— Если вы не против, Мария Павловна, я бы навестил вас в ближайшие дни. Суд счел ваше ранение веской причиной, чтобы не вызывать вас на заседание, но возможно с вами захотят побеседовать позже. Да и нужно помочь отвести вас домой.

В его взгляде я прочитала искреннее желание помочь и тут уже смутилась сама.

— Мне неловко обременять вас, — призналась честно.

— Поверьте, Мария Павловна, вы меня точно не обремените. Да и здесь еще один мой подчиненный на долечивании. Заодно и его проведу. К тому же вы по моей вине здесь в одиночестве лежите. Я запретил кого-либо пускать к вам в палату, а то эти щелкоперы совсем стыд потеряли. Парочка пыталась пробраться к вам под видом целителей, хорошо вовремя перехватили. Так что если вам что-нибудь требуется – говорите, я принесу.

Я кивнула на чемодан.

— Думаю, с этим я справлюсь. Не беспокойтесь. И приходите, когда сможете. Я всегда вам рада.

Мужчина просиял. Так и продолжая сиять улыбкой, распрощался со мной.

Он ушел, а я потянулась за учебником, продолжая постигать азы того, что понимала на уровне интуиции и догадок, как тут в чемодане что-то требовательно заскреблось.

Я застыла. По спине мерзкими мурашками пробежался страх. Я кинула взгляд на дверь, за которой сидел охранник и немного успокоилась. Да и что это может быть, если не мышь. Неужели смогла пробраться в чемодан? Вот поганка!

Сползла с кровати и поежилась – пол под ногами показался ледяным.

Подкралась к чемодану, прислушалась – тишина, но мне точно не показалось!

Осторожно присела, потянулась к застежке – и отшатнулась. Та открылась сама, и вместе с вывалившейся оттуда одеждой и облаком пыли вверх взвился серый комок. Пронесся из одного угла палаты в другой. Потом завис над кроватью. Из комка высунулась борода, лохматая голова, следом показали ручки, ножки.

Я громко чихнула.

И Прокопий Прокопьевич испуганно метнулся под кровать.

— Ты что заразная? – донеслось оттуда.

Я отмахнулась от пылевого облака. Подняла глаза к потолку. Подышала. И попыталась обрадоваться.

— Тесные у тебя хоромы-то, — домовый выбрался из-под кровати, оглядел вполне приличную по размерам палату, в которой не только кровать помещалась с тумбочкой, но еще и шкаф, столик с двумя креслами и личная уборная.

Ошибался Владимир Михайлович, когда считал, что гостей у меня не будет. Надеюсь, Прокопий Прокопьевич один пожаловал без своей подружки-мыши.

Глафира Андреевна и его-то не будет счастлива видеть, а уж мышь-то и подавно. Вот выселят нас обоих со скандалом за нарушение чистоты лечебного учреждения...

— Прокопий Прокопьевич, какими судьбами? – я устала стоять и присела на кровать. Попыталась смахнуть пыль с одеяла и оставила эту затею. Здесь требовались решительные меры.

— Так за имуществом твоим проследить, лиса ты недогадливая! – всплеснул руками домовый.

Я вскинула брови. Ради пары платьев покинуть хозяйский особняк... Ох и сомнительно это.

— Вы поссорились с Юсуповыми? Неужели вас выгнали?

— Да что ты такое балакаешь, рыжина неразумная! – взвился домовый. – Никто меня не выгонял. Я сам, — потупился он. Дернул себя за бороду. Глянул исподлобья. Насупился так, что глаза скрылись под бровями и с горечью произнес:

— Но видать новой хозяйке я без надобности.

Я заморгала, осмысливая сказанное. Новая хозяйка? Домовой ушел из дома ради меня? Никогда о таком не слышала. Неужели ради ватрушек проданся?

— Очень даже надобны, — улыбнулась я, понимая, что рука не поднимется вышвырнуть на улицу сбежавшего из дома домового. – Куда ж я без вас? Пропаду.

— Уразумела, наконец! – горделиво подбоченился Прокопий. Повел носом и, приняв себя, спросил, ткнув пальцем в коробку:

— А что это у тебя там?

— Угощайтесь, — предложила я. Кажется, с таким прожорливым домовым мне и восемьсот рублей будет мало в год.

Повторять не пришлось, и скоро со столика донесся шелест бумаги и довольное чавканье.

— Скажите, Прокопий Прокопьевич, а вам не жалко оставлять Юсуповых? Как же они без вас? – осторожно поинтересовалась я. С конфетами придется попрощаться, даже не попробовав. Впрочем, сладкого не хотелось. Аппетит не вернулся, и Глафира Андреевна – дежурная сегодня сестра милосердия – с ворчанием забрала из палаты полную тарелку с ужином.

— Дык я вместо себя им сыночка оставил, — радостно известил меня домовый, облизывая испачканную шоколадом ладошку. На серой бороде уже виднелись коричневые пятна.

Сыночка? – пораженно повторила я про себя. То есть у домового была домовиха, которая родила ему сына? Мое воображение нарисовало два комочка пыли, из которых получился третий.

Бред какой-то!

— Или ты думала, я зря столько ватрушек употреблял? – с ехидцей поинтересовался Прокопий. – Ради тебя, между прочим, старался. Чуть не лопнул.

И я запуталась окончательно. А ватрушки тут причем?!

— Дура ты, рыжая, хоть и умная, — вздохнул домовый и вместе с коробкой приземлился ко мне на кровать.

— Ешь, — приказал он строго, подпихивая ко мне конфеты. – А то истощала — смотреть страшно. Не понимаю, как еще дышать ухитряешься. Все силы, небось, отдала. И кому? – он глянул ревниво.

— Я не рыжая, — сказала первое, что пришло в голову. Указала рукой на волосы, которые еще днем были красивого пшеничного оттенка.

— И не кому, а чему – дому, чтоб не обвалился, — добавила.

Домовой глубокомысленно хмыкнул и запихнул в рот очередную конфету, зачавкал.

— Посмотрим, посмотрим, — проговорил он, и я поняла, что дом смотреть он собирается именно мой.

— А рыжая ты все равно, — заявил он самоуверенно и посоветовал: — Ты не на голову смотри, а в глубь.

В глубь должны были быть мозги, как говорили целители, и если я правильно помнила, цвета они были совсем не рыжего. Но спорить с домовым не хотелось. У меня до сих пор после его рожденного от ватрушек сына в голове кавардак.

Хотя если подумать и вычеркнуть-таки домовиху, то домашний дух – существо бесплотное. Иначе он не мог бы мгновенно передвигаться сквозь стены по дому. А если предположить, что для создания себе подобного ему нужна энергия, то поедание ватрушек, похоже, накапливало нужное количество для рождения или точнее деления.

Так значит...

— Вы с самого начала планировали уйти со мной! — ахнула я.

Домовой показательно отвернулся. Не глядя нашупал еще одну конфету, закинул в рот, и я подумала о том, что истощение получила не только я. Ишь как, бедолага, на еду накинулся. Небось, все силы на рождение сына отдал.

И что мне с ним делать?!

— У меня и дома-то нет, — проговорила тихо.

— Будет, — буркнул домовый. – А куда тебе без присмотра? Дурная же.

Вот тут я обиделась.

— Справлюсь как-нибудь, — проговорила ледяным тоном, выпрямляя спину. В голове сразу завертелся столь нелюбимый мною немецкий.

Мы помолчали. Домовой обиженно сопел, я думала. Представила, как возвращаюсь домой, а там... Родственники мои драгоценные. И настроение сразу сделалось паршивым.

— Прокопий Прокопьевич, вы же пугать умеете?

Домовой аж подпрыгнул от такого вопроса, развернулся ко мне с блестящими от предвкушения глазами.

— Еще спрашиваешь! Да перед тобой мастер пугания, доведения до сердечного приступа и седых волос. Да я такое умею... У меня ни один без заикания не уйдет.

Я положила в рот конфету, прожевала и под горьковатую сладость шоколада решила, что Прокопий мне точно не помешает.

Утром в палате пыли меньше не стало, но и больше тоже. Под ворчание добрейшей Глафиры Андреевны я пыталась впихнуть в себя комковатую манную кашу. После горьких порошков, которыми меня потчевали, есть совершенно не хотелось.

Домовой чужим на глаза показываться не стал, и краснеть за беспорядок пришлось мне.

— Ветром что ли надуло? — сокрушалась сестра милосердия, оглядывая палату, как полководец поверженное войско.

— Вот и оставляй после такого открытым окно. Больным, видите ли, свежий воздух нужен, — передразнила она кого-то. — А какой он свежий с такой пылью-то!

— Пришлю к вам сейчас убраться, — сказала она и попросила: — Вы уж, барышня, окошко-то затворяйте.

Я заверила, что окно буду держать закрытым.

После завтрака ко мне заглянул, как всегда лучась улыбкой, Филимон Аркадьевич. Осмотрел меня. Проверил уровень жизненных сил и остался доволен.

— Уверенно идете на поправку, милейшая Мария Павловна. Если и дальше все будет хорошо, через три дня выписываем.

Потом прищурился, с подозрением оглядел палату.

Я похолодела. Неужели почуял домового?

— А знаете, Филимон Аркадьевич, у меня ночью в груди что-то тянуло.

— Да? — отвлекся на меня целитель. — А давайте вам сердечко проверим. После таких потрясений вполне возможно ослабление ритма.

Сердцем моим Филимон Аркадьевич остался доволен, но на всякий случай прописал успокоительных капель, чтобы ночью ничего не мешало спать.

— Силен, — ворчливо проговорил Прокопий, когда за целителем закрылась дверь. — Чуть не учуял, пришлось в паутину заворачиваться.

А я достала из чемодана нежно-голубую блузку, ножницы и безжалостно отрезала от нее рукава.

— Что-й то задумала? — насторожился домовой, глядя на выражение моего лица, с которым я кромсала ткань.

— А я, Прокопий Прокопьевич, не Юсуповы. Я терпеть неубранство не собираюсь.

Домовой с хлопком исчез.

Испугался что ли?

Но тут за спиной раздалось осторожное:

— А зачем его терпеть, неубранство это?

Я промолчала. Вдела нитку в иглку — швейный набор у меня с собой был в чемодане. Мало ли, что понадобится: форму подогнать, дырку зашить. В наше время женщине без швейного набора никуда.

Мерки снимать не стала. Рубашку подпоясать можно, а штаны подвязать.

И хотя к шитью я была не склонна, а тут загорелась прям. По вороту оборочку решила пустить. Рукава свободными сделать. А на груди букву «Д» вензелем вышить.

К зиме еще колпак ему свяжу. Чтоб уши не мерзли. И носки. А то босяком холодно по комнатам скакать.

— Шьешь что? – поинтересовался домовый и озадаченно шмыгнул носом. – На куклу как выходит. Для ребеночка маловато-то будет.

Я молчала. А Прокопий занервничал. Заходил по кровати, разбрасывая вокруг себя хлопья пыли. Беда с этой пылью-то! Не понимаю, как можно было так запустить домового! Правильно он от Юсуповых сбежал! Ни любви от таких хозяев, ни заботы.

А если они придут требовать его обратно? – внезапно испугалась я.

От дурного предчувствия стало нехорошо. Это раньше на Юсуповых ограничители стояли и то, они мою жизнь с легкостью портили, а теперь так и вовсе сгубить могут...

Не отдам, — решила я, оценивая наметанную рубашонку. Пусть с новым домовым уживаются, а мне этот подходит. Защитное плетение у него ловко вскрывать получается, да и остальными талантами не обижен.

Пусть Владимир Михайлович не переживает. У меня будет кому вести преступную деятельность, если в ней возникнет надобность.

— Слышь, рыжая, — задушено просипел Прокопий, — а размерчик-то как по мне будет.

— По вам, — согласилась я, — но у меня условие: пыль с себя смыть. На грязь новое надевать не положено.

— Да чтоб ты знала! – задохнулся было возмущением домовый и тут же осекся. Дернул себя за бороду. Огладил пыльную шубку и с тяжелым вздохом признал: — Твоя правда.

И исчез, а через мгновение в уборной зашумела вода.

Я с предвкушением ждала появления Прокопия, торопливо дошивая рубашонку. А вода все текла и текла...

А потом рубашонка задергалась у меня в руках, я торопливо сделала последний стежок – закрепляя кружево на воротнике и отпустила.

Одежка исчезла, следом взвились недошитые штаны. Я затаила дыхание, но Прокопий, словно прима театра, не торопился выходить.

Я уже поясик ему отрезала, да края обметала, а его все не было. Хотела позвать, да помощь предложить, как домовый возник на столике около букета с сиренью.

Комок из пыли стал прям, как Петрушка – с такими на ярмарках балаганный театр устраивают. Волосы отмылись и оказались русыми. Личико порозовело. Расчесанная борода вилась крупными кольцами. Даже уши и те приняли благообразный вид. А голубой наряд – широкая рубаха и такие же штаны – сидел столь ладно, что я прям залюбовалась. Хоть сейчас такую игрушку на елку вешать.

— Че молчишь-то? – встревожился домовый. – Аль не ладен я? Не по душе?

— Ну что вы, Прокопий Прокопьевич, глаз не отвести, какая красота. Жених прямо, — улыbnулась я.

— А то, — горделиво подбоченился домовый. – Был Юсуповский, теперь Демидовский. Не бойся, лиса, за мной не пропадешь!

Я боялась не пропасть с домовым, а попасть... Но главное – о пыли можно было больше не переживать.

Юсуповский дворец

— Знаешь, что сделала эта женщина?! – Феликс ворвался в спальню к старшему брату, когда тот завязывал шейный платок на рубашке. Сегодня было много дел, и отец требовал присутствие Николая на встречах.

Как ни упрашивала мать вернувшегося из заключения главу семейства отдохнуть, тот был непреклонен. Даже вызванный целитель не смог заставить бледного, отощавшего князя передумать.

— Устал я отдыхать, — нежно поцеловал он жену в лоб, — обо всем на свете в камере передумал. Хочу действовать.

И Николай с радостным предвкушением ждал этой суеты: гостей, встреч, банкетов. Главное — отец дома, а их имя очищено от гнусного обвинения. С остальным они справятся.

Он уже отправил благодарственное письмо великой княжне, оставшееся, впрочем, без ответа. Что же... Ответа Николай и не ждал. Для всех участие в деле Ольги Николаевны было тайной.

— И что же она натворила? — спросил Николай с досадой — узел вышел косым и кривым, словно его хозяин успел хорошенько набраться шампанским.

— Эта Демидова... — в голосе брата снова мешались восторг и злость, — украла нашего домового!

Феликс подошел и принялся ловко перевязывать платок на шее брата.

— Ты уверен? — вздернул брови Николай, припоминая угрозу Прокопия Прокопьевича последовать за Аксиньей, если та уйдет. Но тогда он счел угрозу пустой...

— Уверен ли я? — ядовито поинтересовался Феликс и крикнул в пустоту: — Выходи, мелочь пузатая! Давай, показывайся, пока я не пошел и черной плесенью все углы в доме не зарастил.

Николай обвел внимательным взглядом комнату, но та была пустой. Феликс тоже это заметил, и лицо его побелело — первый признак гнева, за которым обычно следовала гроза.

И тут сверху упало что-то зелено-черное. Причем «удачно» так — прямо на плечо брату, растекшись уродливым пятном по пиджаку. Феликс не дернулся, наоборот, застыл, часто дыша. И Николай вспомнил о болезненном пристрастии младшего к чистоте.

— Скажи мне, что это не то, о чем я думаю? — придушенно спросил Феликс.

Николай глянул оценивающе, принялся и пожал плечами:

— Выглядит, как голубиный помет, пахнет, как голубиный помет, но...

— Достаточно, — выставил руку Феликс, останавливая его. Сглотнул. Задрал голову и прошипел что-то неразборчивое. На Николая дохнуло знакомым холодом.

— Ой, не надо, батюшка! — с писком сверху свалился комок пыли. Был он и правда помельче Прокопия Прокопьевича, да и голосом потоньше.

— Раньше думать нужно было, — зарычал Феликс, и комок затрясся, разбрасывая вокруг себя пыль.

— Батюшка велел вас в строгости держать. Сказал, вы силы своей не разумеете. Что дашь вам свободы, потом замаешься пыль на себя собирать, — затараторил домовенок, передумав бояться и в конце шумно шмыгнул носом.

Феликса перекосило. Он открыл было рот и закрыл, не найдя нужных слов. В блеклых глазах мелькнуло бешенство, и Николай поспешил вмешаться, пока они не лишились домового.

— Как вас звать, милейший?

— Как и батю — Прокопием кличут, — степенно ответил домовенок, и из клубка, так и продолжавшего висеть перед ними, показалась голова. Несмотря на юный возраст, на ней уже была широкая — метелкой — борода. Видимо, она полагалась в наследство, как и дурной характер.

— Пропопка, значит, — улыбнулся Николай. — А отец ваш к Марии Павловне отбыть изволили-с?

— Не знаю такой, — насупился домовенок, — батяня сказал: к лисе уходит. Рыжей такой. Мол, без него она пропадет.

— А я говорил! – торжествуяще прошипел Феликс. – Увела-таки! И чем только подкупила? Неужели ватрушками? Вот хитрюга!

— За то, что она для нашей семьи сделала, мне и домового не жалко, — обронил Николай. – Да и ты с ним все равно не ладил. К тому же он не просто ушел, а оставил вместо себя замену. И я его не виню. Сам знаешь – с нашим даром тяжело ужиться. А у Демидовой ему хорошо будет.

— Конечно, — уязвленно проворчал Феликс, — она его ватрушками закормит так, что он между стен застрянет.

— Не злись, — примирительно улыбнулся Николай. Младший с детства не привык делиться игрушками, а теперь вот домового пожалел. – Лучше отпусти нового, пока он на пыль весь не изошел.

Феликс недовольно поджал губы, но домовенка отпустил, и тот с обиженным писком исчез.

— Тебе не кажется, что мы сполна выплатили ей долг? – пробурчал он.

— Мне кажется, что она снова затевает нечто опасное, — вздохнул Николай. – Домовые видят линии судьбы, и если Прокопий Прокопьевич чего-то опасается...

— Ватрушек он опасается не поест, — с ехидцей не согласился Феликс. – А не слишком ли ты за нее переживаешь? – прищурился с подозрением он.

— Мне кажется, такой долг невозможно выплатить, — качнул головой Николай.

— Думай, как знаешь, а я пойду переоденусь, — и брат с отвращением покосился на изгаженный пиджак.

Направился к двери, но прежде чем ее закрыть, крикнул Николаю:

— И ватрушек на всякий случай куплю. Сразу поднос. Чтоб у него вся вредность от переедания лопнула.

Николай рассмеялся, представив себе лопнувшего домовенка, из которого кусками разлетаются ватрушки. Только зря брат надеется этим подкупить Прокопку. Тот может любить совершенно другое – и поди еще угадай, что именно.

Он глянул на себя в зеркало – узел на шейном платке был идеален. Пригладил волосы.

Вчера, после ужина, отец не пошел спать, а позвал их с братом к себе. Разговор вышел тяжелым. Николай не скрывал ничего. Умолчал лишь о планах устроить покушение на царя, но отец все равно что-то заподозрил, когда узнал о визите великого князя Михаила Александровича.

Без усов, с бритой головой отец выглядел непривычно, и оттого они с Феликсом чувствовали себя скованно в его присутствии. Да и морщин на лице родителя прибавилось, а у рта залегла жесткая складка.

— Значит, слухи не враль. Демидова. Внебрачная дочь, — и князь хмыкнул. Потянулся было по привычке к усам, потом вспомнил, что их нет и помрачнел.

— А с чего Демидов на нас ополчился, тоже не врут?

Николай отвел взгляд. Он знал, что отец спросит об этом, но говорить родителю о его измене было непросто...

Удар отец выдержал стойко, только побледнел сильно, и Феликс обеспокоенно подал ему стакан с водой.

— Элим мой сын? – прохрипел князь и залпом осушил половину стакана.

— Не может быть. Ольга Васильевна и я... Никогда.

Тут он осекся, зашевелил губами, словно что-то подсчитывая и на всякий случай уточнил:

— Элиму же пятнадцать было?

Николай кивнул.

— Вот ду-у-рак, — простонал отец. – Чуял ведь – что-то не так.

И замолчал, не став раскрывать подробности...

Глава 4

Целитель не обманул, и через три дня меня выписали из больницы. Чувствовала я себя неплохо – только слабость осталась. Даже аппетит начал возвращаться.

— Вам нужно питаться минимум пять раз в день, — проговорил мне напоследок Филимон Аркадьевич. — И если снова почувствуете себя плохо – обязательно покажитесь.

Я обещала.

Ожидавший у палаты Владимир Михайлович подхватил мой чемодан. Держа под локоть, он провел меня через толпу карауливших газетчиков, забросавших нас вопросами, по большей части глупыми, но были и такие, за которые хотелось влепить пощечину.

Кто-то крикнул, собираюсь ли я еще замуж за Орлова-Давыдова или может, мне Юсупова подавай. Собака какая!

— Спокойно, не отвечайте, — тихо проговорил, наклонившись ко мне, мужчина.

Они бы и выйти мне не дали, но значок дворцового мага и выражение лица Владимира Михайловича отпугнули самых наглых.

— Неужели все еще не утихло? – удивилась я их ретивости.

— Что вы, — усмехнулся Владимир Михайлович, — вокруг вашего дела столько загадок, что для писак дело чести вывести нас на чистую воду.

Я страдальчески вздохнула. Быть выведенной на чистую воду не хотелось. Сейчас общество верило в то, что я пыталась спасти сходящего с ума отца, а уж в процессе спасения вскрылись детали убийства. Если они узнают о расследовании, моем обмане – шумиха поднимется в два раза больше. Мне даже отъезд на Урал не поможет – найдут и там.

Прокопий Прокопьевич снова ехал в чемодане, он же хранил кошель с деньгами, который забрал себе со словами: «У меня надежнее будет». Я даже в него заглянуть не успела.

И сейчас ехала домой, полная грустных мыслей о тех, кто меня там встретит.

В живых у отца оставались две родные сестры, обе младшие. Мария – моя тетка – была замужем за подполковником Николаем Егоровичем Сафоновым и имела двоих детей: мальчика и девочку. Вторая — Елена, как трепались злые языки, пошла нравом в мать, чья жизнь, казалось, целиком состояла из скандалов и мужчин. Мне верилось, что до сих пор фамилия Абаза вызывала нервный тик у императорской семьи, настолько она в свое время вывела их из себя романом с великим князем Николаем Константиновичем, от которого даже родила двух внебрачных детей. После ухитрилась выйти замуж за Павла Сумарокова-Эльстона, брата Феликса Феликсовича. Роковая женщина, как прозвали ее в высшем свете.

Вторая сестра Елена выскочила замуж за гуляку и игрока, который очень быстро оставил ее без денег и приданого, промотав все.

Брат согласился принять на содержание младшую сестру при условии, что она разведется с мужем. Развод состоялся, и Елена какое-то время жила в особняке, но не сошлась характером с женой брата и съехала в меблированные комнаты.

После смерти Ольги Васильевны, Елена начала частенько появляться у нас то на обедах, то на ужинах, однако переезжать не стала. Замуж больше не вышла, хотя те же злые языки трепались о мужчинах, которые появлялись у нее в комнатах. Говорили о романе с женатым мужчиной, добавляя «Гулящая, вся в мать». Вот тут я была не согласна. Александра Александровна, несмотря на скандальность своих походов, успела два раза побывать замужем и один раз – фавориткой великого князя. А ее дочь свое счастье так и не устроила. Интрижки не в счет. Ими сейчас никого не удивишь.

Еще у отца были две единокровные сестры от второго брака матери, которых я никогда не видела. Да и они не особо интересовались Демидовской родней.

Мое же положение напоминало замок, построенный на песке. С признанием отца сумасшедшим, я лишалась его защиты и содержания. У меня больше не было права жить в особняке на Большой Морской, пусть там и оставалась моя комната, а сам дом выстоял лишь благодаря моим силам. Но кого из отцовой родни это волновало? Их заботило лишь то, сколько они смогут получить после лишения отца состояния, а я для них напоминание о том, что их часть могла быть чуточку больше...

А вот титул не достанется никому – мой отец не оставил после себя наследника мужского пола.

— Мария Павловна, вы позволите вас проводить? – уточнил Владимир Михайлович, и я поняла, что он думает о том же – не выставят ли меня сразу на улицу.

— Буду признательна, Владимир Михайлович, — призналась я честно.

Посмотрела ему в глаза и спросила:

— Все так плохо?

Мужчина неопределенно пожал плечами.

Мы ехали на извозчике по Невскому проспекту, ярко залитому весенним солнцем. Голубое небо было разбелено высокими шапками облаков, отчего казалось, что где-то невидимые великаны взбивают сливки, готовясь к пиру.

На проспекте кипела привычная жизнь. Блестел богатыми витринами Елисеевский магазин — за огромными стеклами сверкали хрустальные люстры, громоздились горы заморских фруктов и поблескивали золотые обертки конфет. Роскошь притягивала взгляды прохожих, и многие останавливались, чтобы разглядеть диковинки, выставленные напоказ.

По тротуарам сновали разносчики с лотками, ловко огибая прогуливающиеся пары — они предлагали горячие пирожки, сбитень, газеты или только что испеченные крендели.

Их звонкие выкрики смешивались со скрипом колес, цоканьем копыт и рычанием моторов.

Дамы — под обязательными кружевными зонтиками — неспешно прохаживались вдоль витрин, изредка кивая знакомым. Кавалеры в котелках и цилиндрах почтительно придерживали спутниц под локти, и вся эта пестрая, нарядная толпа казалась ожившим полотном старого мастера.

— Вам виднее, что следует ожидать от родни, но я бы готовился ко всему, — произнес после долгой паузы Владимир Михайлович. — Сегодня будет объявлено решение Дворянской опеки о назначении опекуна господина Демидова, а также о наследниках.

Поразительно быстрые сроки. Видимо, власти всеми силами пытались вычеркнуть моего отца из памяти. Был человек и нет его. И хотя человек все еще был жив, общество последовательно уничтожало упоминания о нем.

Я не тешила себя надеждами. Безумие не излечимо. К нему можно долго идти, оттягивая кризис, но вернуть утерянное невозможно. А следом за разумом начинало быстро угасать и тело, так что жили безумцы недолго.

— Думаю, мы вовремя, — глянув на часы, сказал маг.

Пролетка подъехала к дому, у которого успели убрать мусор, но не починить — и вместо атлантов из стены торчали обломки камня, часть окон продолжала зиять провалами, однако где-то уже блестели новенькие стекла. Жизнь продолжалась.

— Барышня! — за входной дверью на меня налетел вихрь, пахнувший чесноком и кислой капустой. — Отощали-то как. Одна тень осталась. Совсем вас заморили в больнице-то!

Аксинья. А я, оказывается, соскучилась по ее бурному темпераменту.

— Ты-то здесь какими судьбами? — искренне удивилась я.

— Как вы пропали-то, мы сперва искать вас стали, а уж опосля новости из дома пришли — вы в Петербурге оказались. Прямо чудеса какие-то!

Не чудеса, а обман. Газетам было сказано, что я никуда не уезжала, оставшись в Петербурге из-за беспокойства о состоянии батюшки.

А про подмену личности и фамильяра... Кому нужно – догадались, остальным и знать не следовало.

— Барин-то, вот незадача, с ума сошел. А что еще хуже, — Аксинья понизила голос, — убийцей оказался. Ну мы и решили вернуться, а то как же вы без нас?

Тут Аксинья заметила за моей спиной Владимира Михайловича и мгновенно преобразилась: коса была переброшена на внушительную грудь, плечи расправлены, а на лице появилось выражение «Милее меня на свете нет».

Знакомо. Кто-то вышел на охоту, оценив возможного жениха.

Я выразительно кашлянула, прошептав еле слышно:

— Это дворцовый маг, — но служанка и сама разглядела медальон на груди Владимира Михайловича, испуганно попятилась, округлив в ужасе глаза и прикрыв ладошкой рот.

— Это-сь... Как же-с...

— Владимир Михайлович любезно меня сопровождал из больницы, — пояснила я, пока она не рванула по дому с воплем: «Убивать пришли!».

На самом деле служба Владимира Михайловича даже арестами не занималась, не то что казнью преступников. Но простой народ искренне верил, что любой маг на службе – враг, а не друг, и его стоит обходить десятой дорогой – от греха подальше.

— Фройлян Демидова, — на входе застыла скорбная фигура вся в черном.

— Фрау Вильгельмина, — я тепло улыбнулась и шагнула к ней, раскрывая объятия. — Ужасно рада вас видеть.

Пусть это и было глупо, но я действительно была рада видеть свою черствую, как сухарь, гувернантку. Она была частью той моей жизни, о которой я буду жалеть: с уроками немецкого, прогулками, тайными занятиями магией и, главное, с живым Элимом.

— Фройлян Демидова, — строго повторила гувернантка, и вдруг ее подбородок затрясся, на глазах выступили слезы, и она сама шагнула ко мне в объятия. Запах нафталина и лаванды. Мое прошлое, с которым придется попрощаться. Внебрачной дочери не полагается гувернантка. Мне и фамилия Демидова не полагалась, но отец смог получить разрешение для меня.

— Я так испугать, что ви умереть, — проговорила мне на ухо эта совершенно невыносимая женщина.

— Ваш фамильяр, — она чуть отстранилась, но тут же понизила голос: — Потом. Позже. А в холл вплыла Мария Александровна.

Моя тетушка была невысокой и слегка полноватой. Над ниткой жемчуга нависал второй подбородок, пухлые пальчики щедро украшены перстнями. Курносый нос, жиденькие бровки, тщательно завитые локоны – Мария Александровна не унаследовала от матери красивой внешности роковой женщины, зато могла похвастаться очаровательной улыбкой, которую частенько использовала как оружие.

Она обожала смотреть на собеседника с доброй снисходительностью и заботой, как мать – на шаловливое дитя. Но я-то знала истинную цену ее заботливости. Тетушка была первой, кто заявил, что мне нет места в доме. Что деревенскую дикарку следует немедленно отправить в пансион. Все равно какой, лишь бы соседи не судачили о том, что они изводят девчонку. И глядя мне в глаза, прибавила, что я должна быть безмерно благодарна отцу за оказанную мне милость.

Главный урок, который я усвоила в общении с ней — я всегда должна была быть хуже ее детей. Хуже читать, писать, знать иностранный язык, а главное, не показывать силу своего дара. Иначе тетушкина «забота» обрушивалась на меня с новой силой, убирая те крохи свободы, которые у меня были.

Год назад она начала говорить о том, что меня нужно выгодно продать замуж. Исключительно ради меня самой.

И она же попеняла отца тем, что он меня балует, вывозит в театр, оплачивает мне гувернантку и зачем-то еще учит иностранным языкам. В ее понимании будущей жене мелкого помещика или чиновника этого совершенно не требовалось.

«Не по средствам», — говорила она брату, недовольно поджимая свои пухлые губы.

Ее дочь во всем копировала мать, разве что не умела пока прятать высокомерие. При виде меня она задирала нос и смешно его морщила, словно перед ней оказывалась грязная лужа. Разговаривала она со мной, цедя слова сквозь зубы.

А вот сынок Марии Александровны доставал меня изрядно. То лягушку подсунет в туфель, то грязь на платье нальет, то еще какую-то мерзость по малолетству учудит.

Но это были мелочи жизни, потому что гостила Мария Александровна у нас довольно редко, проживая с мужем далеко от столицы.

Ее сестра Елена Александровна в вопросы моего воспитания или содержания не вмешивалась. Она вообще мало обращала на меня внимания. А если мы встречались, отводила взгляд и моргала, словно ей в глаз соринка попала.

Наверное, потому я относилась к ней гораздо лучше, чем к Марии Александровне и двум ее несносным отпрыскам.

Подойдя к нам, тетушка оценила расположение «войск неприятеля». От ее внимательного взгляда не укрылись ни мой скромный наряд, ни стоящий за моей спиной Владимир Михайлович, ни его форма со значком магической службы дворца. И чем дольше тетушка разглядывала Владимира Михайловича, тем шире становилась ее улыбка.

— Дорогая племянница! — выдохнула она, раскрывая свои пухлые объятия. — Я так рада тебя видеть, бедная моя девочка! Такая беда! Такая беда!

Руки были сложены обратно, не дожидаясь, пока я подойду и прильну к пухлой груди. Тетушка достала из рукава кружевной платок, медленно приложила его к глазам и промокнула так и не выступившие слезы. Впрочем, огорчение на ее лице было искренним.

— Мария Александровна, я тоже рада вас видеть, — присела я в неглубоком книксене, как и положено воспитанной племяннице.

— Ну проходите, проходите, не стойте у двери, — пригласила она нас в гостиную, словно уже была хозяйкой в этом доме.

В комнате были видны поспешные попытки наведения порядка. Чехлы с мебели были убраны, открывая желтый, уже порядком потертый шелк на диванах и креслах. На лакированном гарнитуре не было заметно пыли, однако на стенах неуютно темнели пустые пятна из-под картин.

Интересно батюшка успел их продать или они убраны куда-нибудь на чердак в ожидании продажи? Впрочем, состояние отца меня не должно волновать — я не имею права ни на одну монету из его наследства.

Я коротко представила Владимира Михайловича, и мужчина вежливо поцеловал протянутую ему пухлую ручку.

— Ты небось голодна после больницы, а у нас обед только через два часа, — огорченно всплеснула руками Мария Александровна.

— Не переживайте, тетушка, я продержусь, — улыбнулась ей.

— Вот и чудесно, — одобрительно кивнула она мне, нервно комкая платок. — Сейчас к нам должны пожаловать из Дворянской опеки и уездного суда... Объявить о наследстве.

Так вот почему она нервничает. Что ж, понимаю. Насколько я знала, Мария Александровна с мужем жили довольно скромно. И любая денежка им будет в радость. А тут один Вишневец тянет на приличную сумму. Впрочем, я не уверена, что там что-то останется после

выплаты долгов. Батюшка излишне увлекся ремонтом, вложив в поместье приличные деньги. И сейчас все его кредиторы толпятся в очереди на получение выплат по закладным.

— Голубушка, у нас гости? — в гостиную заглянул муж Марии Александровны. Он был высок и настолько худ, что даже пошитый у портного костюм болтался на нем, как на вешалке. Лысина на голове была старательно прикрыта зачесанными волосами, а усы ежиком торчали из-под длинного носа.

С моей тетушкой они представляли забавную пару. Она — маленькая и пухлая, напоминавшая ромовую бабу. А он — рыбу тараньку, усохшую на солнце.

— Подполковник Николай Егорович Сафонов, — представился мужчина, горделиво щелкнув каблуками.

Владимир Михайлович назвалса, и мужчины пожали друг другу руки. Мне дядюшка лишь кивнул.

Только мы расселись, как в гостиную влетела раскрасневшаяся от быстрой ходьбы Елена Александровна — моя вторая тетушка. Увидев меня, она словно налетела на невидимую стену, остановилась, впившись в меня взглядом, и на ее лице промелькнула гримаса отвращения.

Мужчины при ее появлении поднялись, однако Владимир Михайлович был скрыт от взора тетушки спиной подполковника, потому играть спектакль женщина не стала.

— Что эта нагуленная здесь делает? — резко спросила она. — Милостыню пришла просить? Так у нас самих ни копейки. Есть и то скоро нечего станет. Гони ее в шею, чтоб духа ее здесь не было! Будь я позором рода, постыдилась бы к честным людям на порог показываться.

Грубые слова вылетали из ее некрасиво перекошенного рта словно мусор из ведра, а я думала о том, что на ее довольно миловидном лице уже видны первые морщины. И несмотря на модное в этом сезоне платье в полоску, а также румяна и помаду на лице, выглядела она изрядно уставшей. А может тому виной была злоба, прибавившая ей лет.

— Тетушка, не сердитесь, — проговорила я мягко, сдерживая гнев, — мне некуда было идти после больницы. Надеюсь, не слишком вас обременю, если останусь в доме до того, как мне подпишут бумаги на приданое. После я покину вас и более не побеспокою.

— Приданое?! — взвилась Елена Александровна с таким видом, словно я забралась к ней в карман и вытащила оттуда все деньги.

— Ты еще смеешь говорить о приданом, безродная девка! Мало тебе было того, что брат тебя кормил, поил все эти годы. Еще и нас разорить хочешь?

Сцена становилась все более безобразной, и судя по потемневшему лицу Владимира Михайловича он был на грани того, чтоб вмешаться, но не успел.

Мария Александровна поспешила исправить положение.

— Тише, сестрица, тише. Не видишь, у нас гость, — произнесла она с намеком.

И Елена Александровна наконец заметила Владимира Михайловича. Лицо ее мгновенно разгладилось. Взгляд потеплел, ресницы мелко задрожали, а на щеках появился румянец. И мне подумалось о том, что статный мужчина в форме всегда производит сильное впечатление на женские сердца. Даже на такие злобно-черствые, как у моей тетушки.

— Владимир Михайлович, — представился маг, многозначительно откашлялся и проговорил: — Я здесь по поручению его императорского величества. За заслуги перед короной государь пожаловал Марии Павловне годовое содержание, так что она вас не обременит и не разорит.

Тетушки пораженно замерли. И столько всего прозвучало в словах мага намеком, что Мария Александровна аж задохнулась — ее грудь от волнения заходила ходуном, а Елена Александровна пошатнулась, однако передумала падать в обморок. Мои заслуги перед короной, пожалованное государем содержание и приданое, которое теперь наверняка уже будет выделено, их до смерти впечатлили.

А вот оценивающий взгляд дядюшки мне весьма не понравился.

— Уверен, и вопрос с приданным вскорости решится, – добавил маг, словно не замечая повисшего в комнате напряжения. – И так как лишь благодаря усилиям Марии Павловны этот дом остался стоять, будет справедливо, если вы позволите ей пожить здесь до оформления документов на поместье.

Скажи это я, меня бы растерзали. Однако слова дворцового мага, за которым стояла власть, нельзя было отбросить в сторону, как шелуху от орехов.

— Безусловно вы правы, — первой отмерла Мария Александровна.

Она всегда умела быстро справляться с эмоциями. Все-таки двое детей – великая школа жизни.

— Мы все понимаем, Владимир Михайлович, и крайне признательны вам за участие в судьбе нашей дражайшей племянницы.

Я стала уже дражайшей, и это пугало.

— Конечно, она может остаться здесь и пожить какое-то время, — с застывшей на губах улыбкой заверила мага Мария Александровна.

— Мы за ней присмотрим, — поддакнул Николай Егорович, и что-то в его взгляде заставило меня насторожиться.

Елена Александровна тоже отмерла, но говорить ничего не стала. Развернувшись и без объяснений или извинений сбежала из гостиной.

Похоже, я была не права, когда радовалась ее равнодушию. За ним кипела ненависть, которую та не считала нужным показывать.

Дальше Владимир Михайлович откланялся. Перед уходом он, наклонившись ко мне, прошептал:

— Если возникнут проблемы, сразу дайте мне знать. Ваши родственнички могут и не прислушаться к моим словам.

Я коротко пожала его руку, чувствуя невыразимую признательность к человеку, который только что стал стеной между мною и тетушками.

— Благодарю вас, Владимир Михайлович. Вы снова спасаете меня.

— Это не спасение, Мария Павловна, — усмехнулся он. — Спасли вы нас в ту ночь, когда не дали обрушиться крыше на головы. А сейчас я лишь делаю вашу жизнь проще. Удачи вам и не забывайте, что вы сильнее этих женщин.

И это действительно было так. Судьба иногда любит дурно пошутить. Ни одна из сестер моего отца не унаследовала родовой дар Демидовых. Моя же младшая сестренка, погибшая вместе с матерью, не успела проявить никаких способностей. Единственный наследник оказался неродным, еще и с даром проклятийника. И только я, внебрачная дочь, могла бы стать достойным продолжателем дела Демидовых.

Глава 5

Из Дворянской опеки к нам прибыла целая делегация: уездный предводитель дворянства, два писаря, уездный судья, секретарь и поверенный Демидовых.

Мы расположились в столовой, где был удобный длинный стол. На нем мужчины разложили документы.

Я устроилась с краю, старшая тетушка с мужем – по центру, ее сестра рядом. Для Елены Александровны я снова стала пустым местом, что меня более чем устраивало.

Уездный предводитель – строгого вида мужчина в черном сюртуке – сухим и насквозь пропитанным канцелярией голосом зачитал постановление. Поскольку Павел Александрович был лишен всех прав, его имущество приравнивалось к выморочному и переходило к законным наследникам — его родным сестрам, Марии и Елене.

Назначение же опекуна касалось только личности Павла Александровича: опекун должен был заботиться о его содержании и представлять его интересы в суде. Эту обязанность возложили на Марию Александровну.

После председателя слово взял судья и начал с перечисления законов, регулировавших наследство.

Далее он перешел к самому интересному: сестры получали равные доли наследства. После шло недолгое перечисление оставшихся после уплаты долгов домов, земель, поместий и паев в «Семейно-паевом товариществе Нижнетагильских и Луньевских заводов».

Я не подсчитывала, сколько там всего получалось, но судя по огорченно-вытягивающемуся лицу Николая Егоровича, доставалось им немного.

— А коллекция? — дрожащим голосом спросила Мария Александровна, когда перечисление было закончено, и судья объявил, что окончательная сумма будет известна примерно где-то через месяц, после чего наследницы смогут вступить в права наследства.

— У моего брата была очень дорогая коллекция картин. Здесь ее нет, — и она бросила выразительный взгляд в мою сторону, словно я была виновата в ее исчезновении.

— К сожалению, госпожа Сафонова, коллекции картин в описи нет.

И судья демонстративно прошелся пальцем по списку.

— Вот перечень редких книг в поместье Вишневец, а картин ни здесь, ни там не наблюдается.

Елена Александровна аж подавилась от такой новости. И ее взгляд тоже метнулся ко мне.

— Нас ограбили, — проговорила она с отчаянием, продолжая меня буравить полным ненависти взглядом. И гадать не нужно было о том, кого назначат главной подозреваемой в ограблении.

— Если вы в этом уверены, — в голосе судьи прозвучало недоверие, — подайте официальное прошение. Будет возбуждено дело и проведено расследование.

— И подадим! — со злостью стукнула по столу Елена Александровна.

Сестра предупреждающе кашлянула, осаживая ее.

Судя по выражению лица старшей тетушки, она сейчас усиленно размышляла о том, как найти пропавшие картины или деньги, вырученные за их продажу. Сумма на счету отца была явно недостаточной для столь крупной продажи.

А найдя, не сообщать об этом, дабы деньги не стали добычей кредиторов.

Меня вопрос с картинами волновал меньше всего. Гораздо больше меня интересовало, не выгонят ли меня из дома и не дойдут ли до пыток тетушки в желании добраться до припрятанной где-то коллекции отца.

Уточнить у судьи деталей моего дела я не успела — мужчину с двух сторон атаковали родственники. Оставалось надеяться, что Владимир Михайлович сможет ускорить рассмотрение. Должен же он понимать, что долго терпеть мое нахлебничество тетушки не станут. Хотя сейчас ситуация изменилась, и меня вряд ли выпустят из дома, пока не убедятся, что я ничего не знаю о картинах.

Обед проходил в напряженном молчании. За стол не пригласили Вильгельмину, и я надеялась, что гордая немка не покинет дом, не поговорив со мной.

То, что она смогла распознать моего фамильяра, не удивляло — фрау была одаренной. Вероятнее всего она стала свидетелем насильственного разъединения с личиной. А вот то, что она не стала кричать об этом на каждом углу, заставляло задуматься.

И о чем таком желала поговорить со мной бывшая уже гувернантка?

А ведь я была уверена, что она ищет себе новое место, стремясь оказаться как можно дальше от скандала с Демидовыми.

Однако она здесь...

После обеда я прошла в свою комнату. И с удивлением обнаружила там сидящих на знакомых мне сундуках Вильгельмину и Аксиныю. Обе о чем-то оживленно переговаривались, словно были закадычными подружками, хотя сложно было заподозрить двух столь разных людей в симпатии друг к другу.

Первым в глаза бросился мой чемодан, с которым я приехала из больницы: раскрытый и разобранный. Надеюсь, Прокопий Прокопьевич успел незаметно из него ретироваться. Мне только вопросов, откуда у меня чужой домовый, сейчас не хватает для полного «счастья».

После общения с тетушками настроение было: кого-нибудь прибить. Сложно оставаться спокойной, когда тебя долго и старательно унижают...

— Это мои вещи? – спросила я, указывая на вещи.

— Ой, барышня, — подскочила с сундука Аксиныя, — а мы думали, что им пропадать-то. Кому они там без вас нужны-то. Вот и забрали подчистую. Не волнуйтесь, все в сохранности. Я сама укладывала.

Самая приятная новость на сегодня.

— Я и не волнуюсь, — с благодарностью улыбнулась служанке. — Спасибо тебе, Аксиныя.

И пусть мне в этих нарядах особо некуда пойти, зато смогу продать, если настанут тяжелые времена.

— Вы хоть поели? – спросила, присаживаясь на сундук. Вроде ничего не делала, а состояние словно на мне поле вспахали.

— Еще бы они нас не покормили, — подбоченилась Аксиныя. — Кухарку-то они не поменили, а она нас знает. Накормила прям с господского стола.

И тут она с бледным лицом осела рядом со мной на сундук.

— Ой, батюшки, страсти-то какие понарасказывала, — Аксиныя поспешно перекрестилась. — Чуть Богу душу не отдала. Барин-то наш в страшилище превратился и ну скакать по этажам, да стены рушить. А маги-то за ним. Насилу скрутили.

И она прижала ладонь ко рту, глянула на меня круглыми от страха глазами и выдохнула:

— И что нам делать-то, барышня!

— Да, что ви намерян делать?

И обе уставились на меня полными ожидания глазами.

Я аж опешила. Неожиданно это – стать главной, пусть и в столь малом отряде. Да и не планировала я брать на себя ответственность, когда сама по тонкой жердочке шагаю. С другой стороны...

Я не стала скрывать, что мне выделено содержание от короны, что поместье на Урале оставят моим приданым, а главное – я хочу организовать там приют для сирот.

Вильгельмина одобрительно кивнула:

— Приют гут. Приют — это по-христиански.

— Детишки, — растроганно вздохнула Аксиныя.

— Барышня, — она сложила руки в умоляющем жесте, — возьмите меня с собой. Вам все равно надоть кто-то. Так зачем чужого человека в дом брать? А я бы и убиралась, и готовила, и за вами следила, и детишек бы приструнила.

Идея была соблазнительно хороша.

— Денег много не попрошу, — поспешно добавила она. — Вы мне и так на приданое дали. Да и много ли мне надо: крыша над головой, да еда.

— А жениха ты себе так и не присмотрела? – спросила я, зная о том, как страстно Аксиныя мечтала о замужестве.

— Ну его, жениха этого, — отмахнулась она. — С него как с козла молока. Да и не пришелся никто по сердцу в Вишневец. Не люди, а пустая порода. Какой пьет, какой поколачивает, а те кто деньги зарабатывают, им богатых подавай, да грамотных. Я же читать и писать не умею.

— Вот, барышня, — просияла она, — вы же детишек учить будете и меня заодно научите. А там, глядишь, какой мастеровой из толковых, да с добрым сердцем мне и попадется. Наш край богат на людишек-то. Еще бабка моя сказывала про мастеров, до которых из самой столицы господа приезжали, чтоб заказец разместить.

— Да и домой съездить хочу, — добавила она с тяжким вздохом. — Соскучилась, мочи нет. И свой-то край ближе будет. Нажилась я в столице. Видеть ее больше не могу. Ни место, а муравейник. Ни воздуха чистого, ни доброты.

— Хорошо, — кивнула я, понимая, что не могу ей отказать. Помощники мне и правда нужны. Поместье в плохом состоянии, а кто за рабочими лучше приглянет, чем Аксинья? Она же и порядок в доме поддержит. Обучу ее грамоте, арифметике — счета проверять. И выйдет из нее отличная экономка. А там и замуж выдам. И не поедет она никуда, а осядет с мужем со мною, — размечталась я.

— Я бы хотеть с вами, — произнесла внезапно Вильгельмина, заставив меня захлопать глазами от удивления.

— Вы?

Фрау выпрямилась еще сильнее – словно и правда палку проглотила, на ее лице застыло напряженное выражение, как перед прыжком с высоты в воду. На меня она не смотрела, терзая в руках кружевной платок.

Мне всегда казалось, что гувернантка на дух не переносит Россию, считая нас дикарями. Она же раздражалась от всего: грязи, распутицы, пьянок, загульных праздников, веселых ярмарок и громких скоморохов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.